

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

**«ХРОНИКА» МАРЦЕЛЛИНА КОМИТА В КОНТЕКСТЕ ЛАТИНСКОЙ
СТОЛИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ**

Выпускная квалификационная работа
обучающейся по направлению подготовки 46.04.01 История
очной формы обучения, группы 02031505
Балацюк Елизаветы Сергеевны

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Болгов Н.Н.

БЕЛГОРОД 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Оценка личности Марцеллина Комита.....	17
§1. Служба и деятельность Марцеллина Комита	17
§2. Роль Иллирика в жизни и творчестве Мацреллина.....	21
§3. Место Константинополя в миропонимании Марцеллина	30
Глава 2. «Хроника» Марцеллина Комита.....	37
§1. Анализ «Хроники» как части христианской культуры ранней Византии	37
§2. Отражение имперской идеологии в Хронике	47
§3. Вопрос о месте латинской хроники Марцеллина Комита в Константинополе.....	53
Глава 3. Представители латинской письменной традиции в Константинополе.....	58
§1. Воплощение жанра античного эпоса в творчестве латинского поэта Кориппа.....	58
§2. Жанровые особенности и специфика «Хроники» Виктора Тонненского	62
§3. Отражение процесса медиевализации античного знания в работах Присциана Грамматика	70
Заключение.....	77
Библиографический список.....	82

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. В современном отечественном и зарубежном византиноведении одним из наиболее приоритетных направлений является исследование эпохи поздней античности. Термин «Поздняя античность» приобрёл широкое распространение после выхода труда Питера Брауна «Мир Поздней античности» (1971), подразумевая под собой период развития Средиземноморья в III – VIII веках. Данное развитие виделось не в окончательном прерывании античной традиции, а в её преобразовании¹.

Интерес к данному периоду связан с теми происходившими процессами, которые повлияли на складывание культуры средневековья. Именно в это время античные структуры и общественные институты преобразовываются и получают иное качественное содержание, а отдельные элементы античной культуры стали бытовать в христианской идейной среде.

Происходят распад и трансформация некогда Римской империи – христианизация общества, разделение на Западную и Восточную; миграции народов и их включение в межкультурный обмен с новым христианским обществом; окончательное падение и исчезновение остатков Западной империи и новый этап развития Восточной – государства Византии, где складывалась особая христианская империя².

Естественное, что для понимания хода истории в этот период необходимо знание не только о хронологической последовательности событий, но и их качественное наполнение – то есть знание о культурной и религиозной принадлежности людей, их мировоззрении и ценностных установках, их понимании и оценки тех явлений, свидетелями которых они непосредственно являлись.

Сложной и неоднородной была языковая ситуация, особенно в Восточной римской империи. Ранняя Византия представляла собой

¹ *Brown P.* The World of Late Antiquity: from Marcus Aurelius to Muhammad (AD 150–750). - London, 1971. – P. 16.

² *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. – California, 1997. – P. 23.

многоязычное культурное пространство, где важное место занимал не только греческий язык, но и языки народов Малой Азии, сирийский, армянский, арабский. Важный вклад был сделан и представителями латинизированных областей империи.

Латынь не являлась исключительно проявлением западных тенденций в развитии ранней Византии. Области распространения латинского языка включали в себя как различные территориальные общности (на Севере Африки, в префектуре Иллирик, в Южной Испании), так и различные сферы – образовательную, литературную, юридическую, административную. Особая ситуация складывается в начале VI века в Константинополе, где формируется своеобразная латиноязычная среда интеллектуалов, оказавших влияние на культурный облик столицы.

В этой связи интерес представляет изучение латинских источников позднеантичного периода, созданных на территории Византийской империи, одним из которых является рассматриваемая хроника. Данные труды прямо или косвенно отражали происходившие исторические процессы и трансформацию античного общества, а также позволяют сделать некоторые выводы о месте и роли латинского языка в центре империи – Константинополе.

В свою очередь, изучение функционирования отдельных этнокультурных элементов в рамках единого поликультурного государства представляет собой актуальную проблему для общества эпохи глобализации и культурно-национального обмена.

Объектом исследования является письменная латинская столичная культура ранней Византии – совокупность письменных источников на латинском языке периода Поздней античности.

Предметом данной работы выступает позднеантичная латинская «Хроника» Марцеллина Комита как часть латиноязычной культуры позднеантичного Константинополя.

Цель работы – изучение специфических особенностей латинской позднеантичной «Хроники» Марцеллина Комита.

Поставленная нами цель требует решения следующих **задач**:

- 1) определить, какую роль сыграли личные качества Марцеллина Комита в содержании и характере его хроники;
- 2) проанализировать характер столичной «Хроники», вобравшей в себя идеи ранней Византии, то есть её христианский, имперский и латиноязычный аспекты;
- 3) дать оценку другим латинским авторам, чьи труды являлись важной составляющей латинской культуры Константинополя в позднеантичный период;

Хронологические рамки работы: конец V – начало VI вв. – то есть ранневизантийский период, в рамках которого создавались письменные источники на латыни, ставшие частью особой латиноязычной культуры Константинополя данной эпохи.

Территориально-географические рамки работы: Территория всего Средиземноморья - Северная Африка, Италия, часть Южной Испании, Сардиния, Корсика и Сицилия; территория Малой Азии и Балканского полуострова, Сирии и Палестины – то есть, границы Византии, установленные при императоре Юстиниане I.

Методология. В основе методологической базы данного исследования лежит концепция о поздней античности как особого исторического периода в развитии ранневизантийского государства, качественно своеобразного и отличного как от периода античности, так и от средневековой эпохи, но тесно связанного с обеими эпохами³.

Следующей важнейшей основой методологии является историко-культурологический подход, предполагающий рассмотрение проблемы в рамках историко-культурного развития эпохи Поздней античности,

³ Селунская Н.А. «Late Antiquity»: историческая концепция, историографическая традиция и семинар «Empires Unlimited» II // Вестник древней истории. - М., 2005. - № 1. - С. 249 - 253.

представлявшей собой уникальную культурную систему идей и общественных ценностей.

Значимую роль играет и цивилизационный подход, у истоков которого лежали работы А. Дж. Тойнби и О. Шпенглера, значительно переработанного и дополненного в современной исторической науке. Данный подход, согласно С.Ф. Кожурину, может предполагать выявление тех исторических типов мышления и сознания людей, которые фактически и определяли социокультурную динамику в том или ином обществе⁴.

Стоит также упомянуть о позиции А.Н. Полякова, который считал важным в рамках цивилизационного подхода выявлять и сопоставлять социально-экономические и ценностные (культурные, идеологические) отношения, на основе чего возможно определение типологических особенностей цивилизации⁵.

В целом, цивилизационный подход позволяет рассмотреть представленные сведения о латинском сегменте культуры в системе социально-экономических и культурно-ценностных установок и особенностей ранней Византии.

В ходе работы были задействован ряд научных **методов исследования** – как специально исторических, так и общенаучных.

К последним методам можно отнести синтез, анализ, обобщение, систематизацию, которые применялись при отборе, изучении и обработке данных, полученных из письменных источников.

Так, метод обобщения был задействован для получения общего представления о личности Марцеллина Комита, путём сведения разнообразных сведений в единый образ. Метод анализа применялся для выявления специальных тематических блоков «Хроники» Марцеллина.

⁴ Кожурин, Ю.Ф. Цивилизационное измерение социальной истории. – Саранск, 2008. – 368 с.

⁵ Поляков А.Н. Цивилизация как социальная система: теория, методология и методы // Вопросы истории. - М., 2007. - №11. - С. 52 - 64.

Для последовательной передачи и описания основных событий в «Хронике» Марцеллина Комита и в «Хрониконе» Виктора Тонненского, был применён нарративный метод исследования.

В результате синтеза полученных сведений из источников были составлены ключевые выводы работы.

Что же касается специально-исторических методов, то был использован историко-генетический метод. Он позволяет проследить преемственность нового христианского общества с античной традицией, рассмотреть произошедшие изменения в структуре византийского общества, которые были зафиксировано в «Хронике».

Важным являлся и герменевтический метод, позволивший анализировать и давать оценку тем или иным явлениям с учётом их исторического контекста.

Научно-практическая значимость исследования заключается в возможности дальнейшего использования полученных результатов работы в научно-исследовательском и учебном процессах специалистами исторической науки. Представленные сведения дают информацию о культурно-историческом и идейно-ценностном развитии определённой исторической общности, что расширяет наши представления о человеке позднеантичной эпохи. Также, практическая значимость состоит в отборе, компиляции и систематизации определённых данных, что значительно упрощает их поиск информации по данной тематике.

Источники. Для решения поставленной исследовательской цели был произведён отбор ряда письменных источников ранневизантийских авторов латиноязычной традиции. Репрезентативность данного выбора определяется тем, что основной интерес для данного исследования представляет изучение латинской столичной культуры в ранневизантийском государстве.

Исходя из этого, основными задействованными источниками работы являются две латинские позднеантичные хроники - «Хроника»⁶ Марцеллина

⁶ *Марцеллин Комит. Хроника* / Пер., ред. Н.Н. Болгов. - Белгород, 2010. - 230 с.

Комита и «Хроникон»⁷ Виктора Тонненского, стихотворный латинский панегирик Присциана⁸ и поэтический эпос Кориппа «Иоаннида»⁹.

Ключевым источником данного исследования является латинская позднеантичная «Хроника» Марцеллина Комита, написанная им в Константинополе и охватывающая временной период с 379 по 534 годы. Спецификой данной хроники является, во-первых, её принадлежность к латинской традиции, а, во-вторых, присутствие обширных и подробных статей, нетипичных для жанра хроники.

«Хроника» Марцеллина распадается на несколько больших тематических блоков, которые позволяют сделать выводы о личности самого автора и его мировоззрении. Одним из важнейших здесь является блок статей, посвящённых Иллирику – латинизированной провинции и родины самого Марцеллина. Хроника содержит подробные статьи о данной области и освещает события в ней с точки зрения её уроженца.

Другим важным блоком является городская тематика, посвящённая в основном столице империи – Константинополю. Здесь можно обнаружить интересные сведения об архитектурном облике города и его памятниках, а также проследить постепенные изменения в полисном управлении византийскими городами, изменение роли граждан и церкви во внутригородской жизни.

Данный блок тесно примыкает к проимперской направленности «Хроники», которая должна была отразить идею о создании сильной христианской империи в рамках византийского государства. Такая империя предполагала проведение сильной централизованной политики, укрепление и защиту рубежей государства, религиозное и культурное единство граждан.

⁷ *Victor Tonnonensis. Chronica* // MGII. AA. T.IX, V.II / Ed. Th, Mommsen. – B., 1894. - P. 184 – 206.

⁸ *Присциан. Панегирик Анастасию* / прозаический перевод Н.Н. Болгова // Классическая и византийская традиция. 2014. - Белгород, 2014. - С. 279 - 286.

⁹ *Корипп. Иоаннида. Песнь I* (прозаический пер. Н.Н. Болгова) // Классическая и византийская традиция. 2014. - Белгород, 2014. - С. 348 - 360.

Что же касается латинского языка «Хроники» Марцеллина, то здесь можно говорить о принадлежности данного труда к особой этноязыковой общности Константинополя, имевшей, по всей видимости, значимое влияние на культурный облик столицы. Аудиторию Марцеллина могли составлять как выходцы из латинизированных провинций (того же Иллирика), так и интеллектуальная элита столицы, сформированная вокруг императорского дворца при Юстиниане.

Следующим значимым источником является «Хроникон» Виктора Тонненского как пример совершенно иной латинской столичной хроники. Если имперская риторика сохраняется в его хронике, то в остальном же «Хроникон» даёт иной взгляд на историю империи, концентрируясь на истории церкви.

Ключевым здесь выступает взаимосвязь событий и исторических деятелей с Халкидонским собором. И если у Марцеллина церковная история органично дополняла историю общеимперскую, то у Виктора Тонненского церковь становится сюжетообразующей составляющей хроники. Основной же целью «Хроникона» было выстраивание стройной концепции в поддержку Халкидонского собора и осуждения проводимой при нём церковной политики Юстиниана.

Следующий рассматриваемый письменный латинский источник – «Панегирик Анастасию» Присциана Грамматика. Данный источник является уникальным примером стихотворного панегирика в восточной части империи. Целью создания панегирика было восхваление императора Анастасия и показ легитимности его власти, дарованная ему при божественном благословении.

Данный панегирик показывает постепенную медиевализацию риторического знания в позднеантичный период, что было характерным явлением для культуры ранней Византии. Для прославления христианского императора используется античная форма, а сам Анастасий сравнивается с

Помпеем Магном, но при этом происходящие в панегирике события христианизированы.

Панегирическая традиция была в итоге завершена творчеством Флавия Крескония Кориппа, автора панегирика Юстину и латинского эпоса «Иоаннида». Последняя является источником, отразившим завершение античной эпической традиции в рамках позднеантичной культуры. Характерной чертой поэмы является гиперболизация локального исторического события до глобальных размеров, что является наследием античной традиции.

Источник содержит в себе как сведения о конкретном событии - о войне против мавров во главе с дуксом Иоанном в 545—548 гг., так и этнографический материал о местном населении африканского региона. В целом, «Иоаннида» отражает имперскую идеологию ранневизантийского периода и завершает собой античную эпическую традицию, значительно христианизированную к этому моменту.

Таким образом, имеющихся у нас источников достаточно для решения задач исследования.

Степень научной изученности проблемы. К настоящему моменту времени проблема изучения данной позднеантичной «Хроники» Марцеллина Комита представлена несколькими работами отечественных и зарубежных авторов.

Комплексное исследование, посвящённое трудам Марцеллина Комита и его персоналии, проводилось австралийским учёным Б. Кроуком, в монографии которого освящены центральные сюжеты латинской хроники: иллирийская проблематика, городская тематика, латинский и имперский характер хроники. Рассматривает он и вопрос об анонимном продолжателе «Хроники» Марцеллина¹⁰.

Некоторые общие биографические сведения даёт и американский исследователь-византинист Уоррен Тредголд, посвятивший одну из своих

¹⁰ См.: *Croke B. Count Marcellinus and his Chronicle.* - London, 2001. - 300 p.

монографий проблеме ранневизантийских историков, в которой был упомянут и хронист Марцеллин Комит¹¹.

В отечественном же византиноведении особенности развития ранневизантийской историографии являются предметом научного интереса А.С. Козлова. В ряде статей им освещались различные вопросы, связанные с «Хроникой» Марцеллина Комита. Среди них – анализ образа позднеантичного города у Марцеллина Комита¹², характеристика образа других народов и специфики использования термина «чужой» Марцеллином (в рамках складывания в Византии полиэтнической общности)¹³, а также особенности в изображении Балкан Марцеллином в его хронике¹⁴. Затрагивается им и вопрос о Продолжателе Марцеллина и его хронике, язык которой обнаруживает некоторый упадок латыни к моменту написания этой части хроники¹⁵.

О самом развитии жанра хроники и письменной исторической византийской традиции также существует ряд работ отечественных и зарубежных авторов.

Среди отечественных работ можно назвать труд М.В. Бибикова, давшего систематическое описание и анализ эволюции исторических представлений византийских авторов, затронув и авторов Поздней античности. Им было рассмотрено многообразие жанров, включая жанр хроники, который получил своё развитие как у церковных, так и светских авторов¹⁶.

¹¹ См.: *Treadgold W. The Early Byzantine Historians.* - New York, 2007. - 431 p.

¹² См.: *Козлов А.С. Комит Марцеллин о позднеантичном городе // АДСВ.* - Екатеринбург, 1992. - Вып. 26. - С. 46 - 55.

¹³ См.: *Козлов А.С. Комит Марцеллин, Виктор Туннунский Марий Аваншский о «чужих» народах // Античная древность и средние века.* - Екатеринбург, 2000. - Вып. 31. - С. 60 - 91.

¹⁴ См.: *Козлов А.С. Балканы в V - середине VI в. в изображении комита Марцеллина // Россия - Крым - Балканы: диалог культур.* - Екатеринбург, 2004. - С. 51 - 63.

¹⁵ См.: *Козлов А.С. О некоторых особенностях хроники Продолжателя Марцеллина // АДСВ.* - Екатеринбург, 2002. - Вып. 33. - С. 29 - 39.

¹⁶ См.: *Бибиков М.В. Историческая литература Византии.* - СПб., 1998. - 315 с.

Можно упомянуть и работы З.В. Удальцовой, исследовавшей источники по ранней Византии и обращавшейся к проблеме специфики жанра хроники¹⁷.

Сюда же относится труд В.М. Тюленева, представляющий собой комплексную работу по изучению латинской христианской историографии IV – начала V в., которая даёт представление о развитии исторических жанров в западной части империи и позволяет проследить их преемственность и адаптацию восточными авторами¹⁸.

В зарубежной византинистике данная тема затрагивается в работе британского историка Энтони Калделлиса, давшего системное описание процессу развития исторических трудов в Византии¹⁹.

Сложнее ситуация с изучением как латинского сегмента культуры в ранней Византии комплексно, так и отдельных латиноязычных авторов.

Если говорить об исследовании этнокультурной ситуации в ранней Византии, то здесь можно указать на крупную работу А. Гийу, в которой рассматриваются различные стороны жизни Византийской империи, в том числе и этно-социальная ситуация²⁰.

По вопросу о значимости латыни в Константинополе VI века в зарубежной науке существуют различные позиции. С одной стороны говорится о вытеснении латыни греческим языком и её сохранении лишь за счёт дворцовой администрации, с другой – о значительном интересе аристократов и чиновников, имевших связи с западными интеллектуалами, и к греческому, и к латыни²¹.

¹⁷ См.: Удальцова З.В. Источники по истории Византии IV – первой половины VII в. // История Византии: В 3-х томах / Отв. ред. С.Д. Сказкин. - М., 1967. - Т. 1. - С. 5 - 65.

¹⁸ См.: Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии. - М., 2005. - 288 с.

¹⁹ См.: Kaldellis A. Byzantine Historical Writing, 500–920 // Oxford History of Historical Writing / eds. S. Foot and C. Robinson. - London, 2012. - 672 p.

²⁰ См.: Гийу А. Византийская цивилизация. - Екатеринбург, 2005. - 510 с.

²¹ См.: Salamon M. Priscianus und sein Schulerkreis in Konstantinopel // Philologus. - Leipzig, 1979. - 123 - S. 91 - 96.

Среди отечественных работ можно упомянуть диссертационную работу К.Н. Болгова, в которой производится полный комплексный анализ такого явления как ранневизантийская латинская культура, а также устанавливается роль латинского языка в культурном развитии ранней Византийской империи. Указывается на значимое отличие латинских восточных хроник от синхронных им западных (развёрнутыми объёмными статьями и интересу к отдельным регионам)²².

Большое количество работ освещало особенности трудов Присциана Грамматика как одного из представителей латинских авторов ранней Византии, сделавшего большой вклад в сохранение латыни. Так, в зарубежных исследованиях рассматривается его как возможного билингвиста, одинаково хорошо владевшего латынью и греческим языком и имевшего значительное влияние на Востоке²³.

Анализировался и его «Панегирик Анастасию», в особенности тому, как в рамках имперской пропаганды использовался латинский язык и образ Помпея для большей героизации императора²⁴.

О поэтическом творчестве Кориппа в зарубежном византиноведении существует ряд отдельных статей, освещающих как воплощение эпической традиции в его «Иоанниде», так и панегирическое творчество о Юстине II, завершившее развитие данного жанра в восточной части империи²⁵.

В отечественной науке здесь можно указать на статьи К.Н. Болгова, затрагивающие проблемы исторического контекста поэмы, её жанровых особенностей и места в контексте латинской культуры²⁶.

²² См.: Болгов К.Н. Латинский сегмент культуры Ранней Византии: диссертация ... к.и.н. - Белгород, 2013. - 248 с.

²³ См.: Davis M.T. Priscian and the West // Byzantine Studies Conference. - Chicago, 1982. - P. 6 - 19.

²⁴ См.: Croke B. Poetry and Propaganda: Anastasius I as Pompey // Greek, Roman and Byzantine studies. - London, 2008. - 48. - P. 447 - 466.

²⁵ См.: Cameron A. Corippus' Poem on Justin II. A Terminus of Antique Art? // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. - Pisa, 1975. - Ser. III. 5. - P. 140 - 166.

²⁶ См.: Болгов К.Н. Византийская Африка: исторический фон «Иоанниды» Кориппа // Научные ведомости БелГУ. - Белгород, 2012. - Вып.24. - С. 23 - 32.

Что же касается специального изучения такого латиноязычного автора как Виктор Тонненский, то здесь можно указать на отечественную работу А.С. Козлова, поднимавшего вопрос об идейной и социально-политической направленности «Хроникона»²⁷.

В работе был задействован и ряд других исследований, касающихся отдельных проблем византийской истории, освещаемых в «Хронике» Марцеллина Комита.

Например, по вопросу развития городов в ранней Византии привлекались труды Уральской школы византиноведения: М.Я. Сюзюмова²⁸, который обосновал идею об исторической преемственности византийского города от античного полиса; М.А. Поляковской, рассматривавшей сосредоточение интеллектуалов в византийском городе как продолжение античной традиции²⁹.

При характеристике имперской идеологии в ранней Византии большое значение имели труды зарубежных авторов: С. Рансимена (о политической культуре Византии и её связи с общественными институтами империи)³⁰, И. Граделя (о процессе складывания культа императора, который был преобразован в ранней Византии)³¹.

В вопросе о церковной истории и церковной политике за основу брались работы отечественных исследователей: Г.Е. Захарова, изучавшего роль церкви в системе общественной жизни балкано-дунайского региона в эпоху религиозных споров³², а также М.В. Грацианского, рассматривавшего различные аспекты церковной политики императора Юстиниана I³³.

²⁷ См.: Козлов А.С. Идейно-политическая направленность хроники Виктора Туннунского // Античная древность и средние века. - Свердловск, 1987. - Вып. 23. - С. 25 - 41.

²⁸ См.: Сюзюмов М.Я. Византийские этюды. - Екатеринбург, 2002. - 396 с.

²⁹ См.: Поляковская М.А. Византия, византийцы, византилисты - Екатеринбург, 2003. - 432 с.

³⁰ См.: Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. - М., 1998. - 239 с.

³¹ См.: Gradel I. Emperor Worship and Roman Religion. - London, 2004. - 422 p.

³² См.: Захаров Г.Е. Церковь в системе общественной жизни балкано-дунайского региона в IV - V вв.: диссертация ... к.и.н. - М., 2011. - 365 с.

³³ См.: Грацианский М.В. Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского Собора. - М., 2016. - 391 с.

Таким образом, поднимаемая в нашей работе проблема – характеристика позднеантичной «Хроники» Марцеллина Комита в рамках латинской столичной культуры – частично освещалась в работах зарубежных авторов (где присутствует комплексный анализ источника и отдельных элементов латиноязычной культуры), тогда как в отечественной исторической науке данный вопрос только начинает освещаться с различных позиций.

Структура работы включает в себя три главы, разбитые каждая на три параграфа. В первой главе исследования представлены сведения касательно личности автора латинской «Хроники» – Марцеллина Комита. Информация разделена на три крупные части – биографические сведения об авторе, влияние Иллирика на жизнь и творчество автора и связь Марцеллина с Константинополем.

Вторая часть работы посвящена характеристике позднеантичной латинской «Хроники» Марцеллина как источника сведений о культуре и идейном развитии ранней Византии. Это включает в себя отражение в хронике имперской идейной концепции, окончательно оформившейся в ранневизантийский период, характеристика церковной истории, как важной составляющей нового христианского общества, а также собственно латинский аспект хроники как части особой этноязыковой составляющей Константинополя VI века.

Заключительная глава исследования включает в себя анализ других персоналий, являвшихся представителями столичной латинской культуры ранней Византии: Виктора Тонненского, Присциана Грамматика и Флавия Кресцония Кориппа. Их труды представляют собой важную составляющую латинской культуры Константинополя и позволяют сформировать целостное представление о месте латыни в столице империи в данный период.

Апробация основных результатов и выводов представленного исследования была представлена в рамках ряда докладов на международных научных конференциях «Классическая и византийская традиция» и

«Белгородский диалог» и публикациях в следующих сборниках: «Классическая и византийская традиция. 2017: сборник материалов XI научной конференции»³⁴, «Вестник СНО - 2018: сборник студенческих научных работ»³⁵, «ЭРГАСТИРИЙ II: Сборник материалов II Всероссийской летней школы по византиноведению»³⁶, «Классическая и византийская традиция. 2018: сборник материалов XII научной конференции»³⁷, «Белгородский диалог: сборник материалов X Международного молодёжного научного форума»³⁸, «Каразінські читання (історичні науки): Тези доповідей 72-ї Міжнародної наукової конференції»³⁹.

³⁴ См.: Балацук Е.С. Отражение стихийных бедствий и катастроф ранней Византии в «Хронике» Марцеллина Комита // Классическая и византийская традиция / Отв. ред. Н.Н. Болгов. - Белгород, 2017. - С. 274 - 278.

³⁵ См.: Балацук Е.С. Образ позднеантичного города в «Хронике» Марцеллина Комита // Вестник СНО: сб. студ. науч. работ / Отв. ред. А.Г. Жихарев, К.А. Данилова. - Белгород, 2018. - Вып. XXII. - С. 58 - 63.

³⁶ См.: Балацук Е.С. Иллирийская тема в «Хронике» Марцеллина Комита // ЭРГАСТИРИЙ II: Сборник материалов II Всероссийской летней школы по византиноведению (г. Белгород, август 2018) / Отв. ред. Н.Н. Болгов. - Белгород, 2018. - С. 77 - 85.

³⁷ См.: Балацук Е.С. История церкви в «Хронике» Марцеллина Комита // Классическая и византийская традиция. 2018: сборник материалов XII научной конференции / Отв. ред. Н.Н. Болгов. - Белгород, 2018. - С. 258 - 265.

³⁸ См.: Балацук Е.С. Образ императорской власти в «Хронике» Марцеллина Комита // Белгородский диалог (Сборник материалов X Международного молодёжного научного форума) / Отв. ред. Л.С. Половнева. - Белгород, 2019. - С. 43 - 46.

³⁹ См.: Балацук Е.С. Позднеантичная церковь глазами латинских хронистов (Марцеллин Комит и Виктор Тонненский) // Каразінські читання (історичні науки): Тези доповідей 72-ї Міжнародної наукової конференції (м. Харків, 26 квітня 2019 р.) / Гол. ред. С.В. Нижнікова. - Харків., 2019. - С. 47 - 48.

ГЛАВА 1. ОЦЕНКА ЛИЧНОСТИ МАРЦЕЛЛИНА КОМИТА

§ 1. Служба и деятельность Марцеллина Комита

Биографические сведения о жизни и деятельности хрониста даёт нам как позднеантичные авторы Византии, так и сама хроника Марцеллина Комита.

Если говорить о самой «Хронике», то здесь есть как прямые сведения, так и косвенные. О себе Марцеллин сообщает в начале хроники, где говорит о том, что является продолжателем работ Евсевия и Иеронима Стридонского, переводившего Евсевия с греческого на латынь (Mar. Com. Praefatio).

Под косвенными сведениями можно иметь в виду отбор информации и позицию автора к событиям и явлениям, что даёт представление о мировоззрении хрониста. К примеру, частое обращение Марцеллина к событиям в провинции Иллирик было напрямую связано с его происхождением из данной области⁴⁰.

Чётко прослеживается и антиеретическая позиция автора, для которого раскол церковный означал опасность для целостности империи. Отрицательное отношение к ересям было зафиксировано в ряде статей (Mar. Com. 494.1, 512.8).

Показательны в этом отношении и отрывки хроники об исаврах, которых Марцеллин показывает как чуждую и обособленную от империи общность, исходя из того, какой ущерб и нестабильность исавры наносили империи, их нехарактерному для «цивилизованных» ромеев поведению⁴¹.

Что же касается других позднеантичных авторов, в первую очередь о деятельности Марцеллина Комита сообщает римский историк Кассиодор в своих «Наставлениях в науках божественных и светских», написанных им в

⁴⁰ *Treadgold W.* The Early Byzantine Historians. - New York, 2007. - P. 232.

⁴¹ *Козлов А.С.* Комит Марцеллин, Виктор Туннунский и Марий Аваншский о «чужих» народах // Античная древность и средние века. - Екатеринбург, 2000. - Вып. 31. - С. 90.

550 г. после своего возвращения в Италию из Константинополя, где он скрывался от войны Юстиниана с готами⁴².

В своём труде Кассиодор, перечисляя ряд историков, упомянул хронистов, среди которых указал Евсевия, Иеронима, Проспера и Марцеллина. О последнем Кассиодор отмечал, что тот служил канцелярием Юстиниана, до того, как последний стал императором. Затем же Марцеллин, иллириец по происхождению, стал составлять хронику, доведя её до начала правления Юстиниана⁴³.

Помимо хроники, как сообщает Кассиодор, Марцеллином были также написаны четыре книги, где он описал события и места пребывания, которые он мог наблюдать во время своего путешествия. По Кассиодору, все эти труды были связаны с историей и рассчитывались на один и тот же круг читателей (Cass. Inst. 1.17.02).

Кассиодор также рекомендует для приобщения к знаниям космографов и экзегетов к прочтению труды Юлия Гонория, а затем и Марцеллина, который «в четырёх кратких книгах» подробно описал Константинополь и Иерусалим (Cass. Inst. 1.25.1).

В целом, Марцеллином, помимо хроники, было написано ещё два труда – описания событий и мест, где побывал автор и труд, посвящённый Иерусалиму и Константинополю. Можно также констатировать тот факт, что деятельность Марцеллина и его труды могли являться источником необходимых сведений для недавно ставших монахами людей. То есть могли являть собой пример зарождавшейся интеллектуальной христианской культуры.

Возвращаясь же к жизни и деятельности самого Марцеллина, можно выстроить имеющиеся биографические сведения следующим образом. Марцеллин Комит происходил из балканской латинизированной провинции – Иллирика.

⁴² Croke B. Count Marcellinus and his Chronicle. - London, 2001. - P. 16.

⁴³ Treadgold W. Op. cit. - P. 234.

О семье Марцеллина ничего не известно. По поводу же даты его рождения существуют лишь предположения. Возможно, что Марцеллин родился ок. 470 года, а в 490-х мог быть привлечён в военную кампанию в качестве солдата, либо административного служащего в тылу⁴⁴.

Покинув Иллирик, он направился в Константинополь; временем прибытия в город могут быть 498 – 501 года – тот период, с которого начинают фигурировать подробные описания событий и деятелей, связанных со столицей⁴⁵.

До поступления на службу Юстиниану, Марцеллин, вероятно, и совершает путешествие, на основе которого в дальнейшем напишет свои топографические и географические работы, поминаемые Кассиодором. Судя по его сведениям, одним из мест, которые посетил Марцеллин, был Иерусалим (в последствие подробно описанный хронистом) (Cass. Inst. 1.25.1).

Возможно, что Марцеллин побывал и в крепости Дара на границе с Персией. Об этом может говорить вставленная Моммзенем в «Хронику» статья о данной крепости из другого труда Марцеллина (Mar. Com. 518.3). В данной статье хронист даёт подробное описание крепости: её локализации, о начале её строительства императором Анастасием, о т.н. Геракловой башне (Mar. Com. 518.3).

В столице же он пытается построить карьеру. В результате к 520-м гг., Марцеллин добивается звания канцелярия при тогда ещё патриции Юстиниане. Далее он становится комитом, а также входит в число «Мужей Выдающихся» (*vir clarissimus*) – т.е. сенаторов; последнее сообщает сам Марцеллин во вступлении к «Хронике» (Mar. Com. Praefatio).

Следует отметить, что византийский сенат не был аналогичен римскому политическому институту. Так, в сенат по большей части входили

⁴⁴ Croke B. Op. cit. - P. 19.

⁴⁵ Ibid. - P. 20.

военные и гражданские чиновники, постепенно переходившие в статус придворной знати⁴⁶.

Сенаторы обладали меньшим политическим влиянием на общество; но сохранялась их причастность к таким актам политической жизни как избрание на царство. Также, сами сенаторы были для ранневизантийского общества носителями морально-этических качеств и ценностей, влиявшие на нормы жизни ромеев⁴⁷.

Последнее было частично связано и с тем, что в сенаторские круги входили представители интеллектуальной элиты. Это способствовало тому, что в ранней Византии константинопольский сенат не стал лишь собранием бюрократов, а среди сенаторской знати были распространены меценатство, поощрение риторического образования и развития наук и искусства⁴⁸.

К VI веку низшие слои знати – спектабили и клариссимы (кем и являлся Марцеллин) – теряют право на заседание в великой курии; это приводит к преобладанию среди сенаторской аристократии иллюстриев, титул которых постепенно срастается с самим понятием сенаторской знати⁴⁹.

Частью этого столичного интеллектуального общества сенаторской знати возможно и являлся Марцеллин. После же вступления Юстиниана на престол. Марцеллин, видимо, покидает свою должность канцелярия, и, вероятно, полностью посвящает себя написанию основных трудов, в число которых входила и «Хроника»⁵⁰.

Первоначально, Марцеллин довёл хронику до 518 года, охватив, таким образом, период с 379 по 518 годы. Второе же издание хроники было доведено до 534 года. Данная часть «Хроники» освещает главным образом деятельность Юстиниана, сначала как консула, а затем в качестве

⁴⁶ Чекалова А.А. Сенаторская знать ранней Византии: стиль жизни, стиль мышления // АДСВ. - Екатеринбург, 2002. - Вып. 33. - С. 12.

⁴⁷ Чекалова А.А. Сенаторская знать... - С. 13.

⁴⁸ Там же. - С. 17.

⁴⁹ Чекалова А.А. Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в. // Византийский временник. - М., 1972. - Т. 33. - С. 14.

⁵⁰ Croke B. Op. Cit. - London, 2001 - P. 23.

императора. В ряде статей Марцеллин с нескрываемой симпатией описывает Юстиниана и его деяния (Mar. Com. 521; 528; 532; 534).

О дальнейшей судьбе Марцеллина Комита судить сложно. Можно лишь сказать, что его труды привлекли внимание части современников; это отражено и в рекомендации трудов Марцеллина Кассиодором, и в создании анонимным автором продолжения хроники, сохранившееся как отрывок с 534 по 548 годы. Данное продолжение хоть и примыкало к «Хронике» Марцеллина, скорее всего, являлось самостоятельным трудом⁵¹.

Таким образом, можно сказать, что об авторе позднеантичной столичной латинской «Хроники» - Марцеллин Комит – можно судить лишь по тем отрывочным сведениям, что сохранились в его труде, и небольшой информации, данной в источниках других авторов. В целом же, Марцеллин был выходцем из Иллирика, состоявшем на службе у Юстиниана и входившего в константинопольский сенат. Марцеллин придерживался складывающейся в VI византийской имперской идеи: центральное место в хронике он отводит тем событиям и тем деятелям, которые имели непосредственное влияние на состояние Византийского государства.

§ 2. Роль Иллирика в жизни и творчестве Мацреллина

Как уже говорилось, Марцеллин Комит был уроженцем провинции Иллирик, что повлияло на тематику хроники и определило те культурные особенности, которые в ней присутствуют.

Иллирик являлся латинизированной провинцией в ранней Византии. Вопрос об управлении данной провинции в V веке являлся предметом спора между западными и восточными императорами⁵². Можно сказать, что по своему положению Иллирик представлял собой буферную зону между

⁵¹ Козлов А.С. О некоторых особенностях хроники Продолжателя Марцеллина // АДСВ. - Екатеринбург, 2002. - Вып. 33. - С. 30.

⁵² Treadgold W. The Early Byzantine Historians. - New York, 2007. - P. 231.

западом и востоком, что повлияло на складывание политических, этнических и социокультурных особенностей префектуры.

Иллирик представлял собой неоднородную территорию и по природно-климатическим условиям, и по языковому, а, следовательно, и культурному, составу. В состав префектуры к VI веку входили диоцезы Дакия и Македония; на востоке Иллирик граничил с Фракией, а на западе – с Паннонией⁵³.

За управление и контроль над данной префектурой в IV – начале V в. неоднократно происходили конфликты между западным и восточным правительствами. До императора Феодосия Иллирик направлялся под управлением Миланского двора; под предлогом возврата этих территорий римские войска входили в иллирийские провинции⁵⁴.

К моменту возрастания напряжённости между западом и востоком к префектуре Иллирик относились территории Дакии, Мизии, Дардании, Превалентины, Эпира, Македонии, Фессалии, Эллады, Крита. Тогда как под контролем Запада находился диоцез Иллирик, включавший Паннонию, Далмацию, Норик⁵⁵.

Стремление западного правительства - вернуть под контроль весь Иллирик - было напрямую связано с экономической выгодой, которую мог приносить этот регион. Эти устремления римской и миланской знати поддержал Стилихон; в итоге его войска вошли на территорию Иллирика в 395 году⁵⁶.

Частично иллирийский конфликт был урегулирован в 425 году – тогда византийский император добился от Запада уступки и включил диоцез Иллирик под свой контроль. Этим самым были укреплены позиции

⁵³ *Croke B.* Count Marcellinus and his Chronicle. - London, 2001 - P. 51.

⁵⁴ *Сиротенко В.Т.* Борьба Западной Римской империи и Византии за префектуру Иллирик в 395 - 425 гг. и ее последствия // Античная древность и средние века. - Свердловск, 1972. - Вып. 8. - С. 73.

⁵⁵ *Сиротенко В.Т.* Указ. соч. - С. 74.

⁵⁶ Там же. - С. 75.

византийского правительства, и повысилась обороноспособность Балканского региона⁵⁷.

Столь же противоречивой была и ситуация с церковью в Иллирике. Первые христианские общины возникают здесь только в III веке; усиление же христианства начинается лишь в IV – начале V веков. С этого периода в иллирийских городах происходит стремительная христианизация общества, а церковь приобретает статус общественно важного института⁵⁸. В результате происходит унификация общественного сознания, его норм и ценностей, что соответствовало складывающейся в ранней Византии имперской политике.

Тем не менее, префектура оставалась пограничной зоной между Восточной и Западной церквями.

Так, во второй половине IV века Рим пытался усилить своё влияние на иллирийские земли через связи с местными епископами, что не могло не вызывать недовольства в Константинополе. В результате в 421 году был издан эдикт Феодосия II, предписывающий местным соборам ведение церковных вопросов в Иллирике, а Константинопольскому епископу решение спорных моментов. Но данный эдикт не возымел действия, и папское влияние в Иллирике окончилось только при Льве III⁵⁹.

Несмотря на подобные противоречия, христиане IV – V вв. не ассоциировали себя как часть Восточной или же Западной церкви. В этот период христианская церковь представлялась неделимой и единой; а географическая принадлежность отдельных епископов и их общин не носили всеобщего характера⁶⁰. В этом случае, Иллирик не являлся границей, а выступал связующим звеном между западной и восточной частями империи.

В этот же период - IV – V века – в Иллирике распространяется арианская ересь. Спецификой арианства в данной области можно назвать то, что иллирийские епископы обладали большей свободой в догматических

⁵⁷ Там же. - С. 77.

⁵⁸ *Захаров Г.Е.* Церковь в системе общественной жизни балкано-дунайского региона в IV - V вв.: диссертация ... к.и.н. - М., 2011. - 365 с.

⁵⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. - М., 2011. - Т.1. - С. 69.

⁶⁰ *Захаров Г.Е.* Указ Соч. - 365 с.

спорах. Это было связано с тем, что в Балканском регионе ещё не была сформированы система митрополий и сильные координирующие церковные центры⁶¹.

Это, в совокупности с длительным пребыванием деятелей арианства (включая самого Ария) в балкано-дунайском регионе, приводит к формированию богословской латиноязычной традиции – так называемого «иллирийского арианства». Само же иллирийское духовенство в дальнейшем оказывало влияние на «проарианскую» политику Констанция II⁶².

Попытки решения конфликта начинаются со второй половины IV века. Среди множества вариантов разрешения ситуации выделились два основных течения – омийское и никейское. Первые стремились к формальному объединению противостоящих друг другу течений на Аримино-Селевкийском соборе (359 г.), тогда как никейцы – к богословскому синтезу. Именно последние и одержали в этом конфликте победу, омийское же течение радикализовалось, став маргинальным на большей части территории империи. Исключение здесь составил Иллирик – здесь данное направление оставалось влиятельным вплоть до V века⁶³.

Не менее сложной представляется и этническая ситуация на территории Иллирика.

Сама концепция Иллирика как целостной чётко определённой территории, населённую «иллирийцами», возникла лишь после завоевания данной области римлянами во II веке до н. э. Реальный же этнический состав Иллирика на момент включения области был гораздо сложнее и многообразнее: ардиеи, паннонцы, даорсы, далматы, энхелии, дарданы, плереи, тавлантии. Некоторые из них имели более развитую экономическую

⁶¹ Захаров Г.Е. Указ. соч.

⁶² Копылов И.А. Дунайское арианство. Новое исследование по истории Церкви // ЖМП №9 [Электронный ресурс]. - URL: http://www.e-vestnik.ru/history/dunayskoe_arianstvo_7498/?m=print (дата обращения: 20 октября 2018).

⁶³ Захаров Г.Е. Указ. соч.

и политическую систему в связи с эллинистическим влиянием и участием в морской торговле; к ним, например, относились ардиеи⁶⁴.

Постепенно происходила романизация местного населения. Так, при принципате Августа начинается процесс массового поселения италийцев в таких иллирийских городах как Ядер, Салона, Лисс, Нарона, Скодра. Здесь основываются гражданские колонии, а не колонии ветеранов, что говорит об относительной безопасности данной территории⁶⁵.

Окончательная трансформация идентичностей среди населения происходит в позднеантичный период, что было напрямую связано с христианизацией региона и ростом влияния воинской элиты. В результате уже в ранней Византийской империи всё большую значимость приобретает идентификация и самоопределение населения себя как «иллирийцы»⁶⁶.

Именно с позиции иллирийца и описывал многие события в своей «Хронике» Марцеллин Комит. О его происхождении из областей Иллирика, как уже говорилось ранее в работе, сообщал Кассиодор, знакомый со всеми трудами Марцеллина и имевший тесные связи с латиноязычной общностью Константинополя⁶⁷.

Территориально Иллирик Марцеллина подразумевал саму префектуру, провинции которой он упоминает в главах «Хроники»: Паннония (Mar. Com. 427.1), Дакия Прибрежная (Mar. Com. 447.5, 483), Эпир (Mar. Com. 517), Фессалия и Македония (Mar. Com. 482.2, 517), Дардания (Mar. Com. 518.1).

По своему объёму статьи хроники, освещающие события в Иллирике, выделяются на фоне других глав. Примером здесь может быть описание землетрясения в Дардании, где были разрушены 24 крепости: две из них полностью ушли под землю со всем населением; «четыре потеряли половину

⁶⁴ Гийу А. Византийская цивилизация. - Екатеринбург, 2005. - С. 54.

⁶⁵ Алимов Д.Е. Миграция или трансформация? Происхождение хорватов в дискурсе постмодерна // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. - СПб., 2012. - С. 208.

⁶⁶ Дзино Д. «Становиться славянином», «становиться хорватом»: Новые направления в исследовании идентичностей позднеантичного и раннесредневекового Иллирика // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. - СПб., 2008. - № 2 (4). - С. 46.

⁶⁷ Croke B. *Count Marcellinus and his Chronicle*. - London, 2001. - P. 48.

зданий и населения от частичных разрушений, одиннадцать потеряли одну треть домов и такое же число людей, семь потеряли четвертую часть домов со всеми их обитателями, погребенными под останками» (Marc. Com. 518.1).

Схожим образом в плане подробности глав хроники Марцеллин описывал землетрясения в Константинополе – в важнейшем центре Византии (Marc. Com. 447.1; 480.1.). Из этого может следовать предположение, что к подробной детализации бедствий хронист был склонен в том случае, когда речь шла о наиболее важных для империи территориях, к которым автор относил и Иллирик.

Тот же факт, что при описании жителей иллирийских городов Марцеллин использует «cives» (Mar. Com. 518.1); а помимо этой статьи, понятие гражданин он использует ещё четыре раза в отношении жителей Константинополя⁶⁸, отражает представление хрониста о своей родине как о месте существования развитого гражданского общества.

В целом же, в «Хронике» Марцеллина иллирийская тематика представлена в основном военно-политическими событиями, в том числе и нападениями готов, гуннов, болгар на территории префектуры. По мнению Б. Кроука, интерес автора «Хроники» к подобным сюжетам может означать, что сам Марцеллин эмигрировал в Константинополь именно из-за вражеских разорений Иллирика. Или же он являлся представителем иллирийских военных ветеранов⁶⁹.

Впервые Иллирик упоминается хронистом под 441 годом: здесь говорится о вторжении и разрушении гуннами городов и крепостей этой области, в том числе Наисса, Сингидуна (Mar. Com. 441.3). В отличие от других подобных сообщений хроники - о вторжении на римские территории исавров, сарацин, персов, цанов и гуннов (Mar. Com. 441.1) – в данной статье перечисляются конкретные населённые пункты.

⁶⁸ Козлов А.С. Комит Марцеллин о позднеантичном городе // АДСВ. - Барнаул, 1992. - Вып. 26: Византия и средневековый Крым. - С. 47.

⁶⁹ Croke B. Op. cit. - P. 76.

В последующей же за этим сообщением статье 442 года вновь говорится об опустошении Бледой и Аттилой Иллирика и Фракии (Mar. Com. 442.2). В совокупности с предыдущим сообщением о явлении кометы – знаком, предвещающим крупные несчастья, – подобное перечисление иллирийских сведений показывает их общегосударственный масштаб⁷⁰.

В статье под 499 годом Марцеллин сообщает об иллирийском военном магистре Аристе во Фракии, который противодействовал болгарам, в ходе сражения с которыми было убито более четырёх тысяч человек. Среди них Марцеллин выделяет погибших храбрых иллирийских воинов: Танка, Иннокентия, Юлия и Никострата (Mar. Com. 499.1).

Такое точное знание о количестве погибших в сражении, о плане действий войска в подробных деталях, об именах погибших иллирийцев может говорить о том, что либо Марцеллин Комит был знаком с очевидцем данных событий, либо являлся непосредственным свидетелем произошедшего сражения. Возможно и предположение о том, что четверо погибших иллирийцев были лично знакомы хронисту – ведь больше Марцеллин не упоминает имён простых солдат⁷¹.

Такое же особое внимание уделяет автор хроники и иллирийским магистрам армии – Сабиниану Магну и Мундону (Mar. Com. 479, 481, 530). В V – начале VI века Иллирик наряду с Фракией являлся одним из надёжных регионов по поставке рекрутов в армии, а многие иллирийцы становились в последствие известными военными деятелями⁷².

Таковыми, по описаниям хрониста, являлись упомянутые деятели. Сабиниан Магн – руководитель военной и гражданской служб – предстаёт как «хороший правитель и сторонник дисциплины в военных делах», сравнимый в этом с римскими полководцами (Mar. Com. 479.1). К одной из его заслуг относится отражение в Греции нападения Теодориха (Mar. Com.

⁷⁰ Козлов А.С. Балканы в V - середине VI в. в изображении комита Марцеллина // Россия - Крым - Балканы: диалог культур. - Екатеринбург, 2004. - С. 57

⁷¹ Croke B. Op. cit. - P. 77.

⁷² Ibid. - P. 70.

479.2). Заключая, Марцеллин говорит, что смерть Сабиниана «по заслугам угрожает этому грешному миру», указывая на высокую значимость этого деятеля для его современников (Mar. Com. 481.2).

С таким же уважением отзывается Марцеллин о Мундоне – первом римском полководце, атаковавшем варваров, разорвавших Иллирик: «Удачливый в своей храбрости» он сражался и с булгарами во Фракии, пятьсот из которых было в результате убито (Mar. Com. 530).

Данные статьи включены в ряд других хроникальных событий, которые в совокупности придают государственную значимость иллирийским сюжетам. Так, под 529 годом – статья о подготовке Юстинианом победоносных войн против вандалов и парфян; а под 531 годом – сообщение об обнародовании свода законов Юстиниана⁷³.

Высокую оценку даёт Марцеллин Комит и самому иллирийскому войску. Например, в статье 500 года указывается, что иллирийским воинам были переданы дары от императора Анастасия (Mar. Com. 500.2).

Кроме сюжетов на военно-политическую тематику в «Хронике» Марцеллина присутствует сведения о церковной истории Иллирика. Так, говорится о конфликте между иллирийскими епископами (Лаврентий Лихнидский, Домнион Сердикийский, Алкисс Никопольский, Гайян Наисский, Евангел Павталийский) и призвавшим их к себе в столицу императором Анастасием, которого хронист осуждал за поддержку монофизитства (Mar. Com. 516.3).

Здесь же утверждается, что страх перед иллирийским войском заставил императора вернуть двух епископов – Евангела Павталийского и Домниона Сердикийского – в их епархии. Другой же епископ – Лаврентий – представлен автором как стойкий человек, способный отстаивать свои взгляды даже перед лицом императора. «Верой и величием Христа» он был излечен в церкви Космы и Дамиана. За свою же искреннюю веру Лаврентий

⁷³ Козлов А.С. Указ. соч. - С. 58-59.

был награждён крепким здоровьем и долголетием (умер в «возрасте более, чем 80 лет») (Mar. Com. 516.3).

То есть в этом подробно описанном церковном сюжете Марцеллин Комит указывает на правоверность иллирийцев, высоко оценивает их личные качества как приверженцев истинной веры, а также косвенно упоминает военную мощь иллирийских городов, перед которыми отступил и сам император.

В целом же иллирийские сюжеты представляют данную территорию как один из важнейших для Византии регионов, защита которого должна быть одной из приоритетных задач правителей империи. Ещё одним подтверждением этому является статья о разрушении Иллирика и опустошении Фессалии и Македонии готами. В ней Марцеллин единственный раз за всю «Хронику» обращается к библейскому сюжету из книги Иеремии о грозном народе, идущем из Северной страны⁷⁴.

С такой позицией Марцеллина касательно Иллирика тесно взаимосвязано его отношение к правителям Византии, так как причинами бедствий своего региона хронист считал их слабое руководство государством. Так, Анастасий и его предшественники были подвергнуты критике со стороны Марцеллина, тогда как император Юстиниан, выходец из Иллирика находит положительный отклик. Так как его военные и государственные успехи должны были привести стабильность, сохранность и прочность не только отдельному региону – Иллирику, – но и всей империи⁷⁵.

Таким образом, не вызывает сомнений, что иллирийская тематика «Хроники» является одной из ключевых для Марцеллина Комита. Как уроженец Иллирика, Марцеллин стремился привлечь внимание к проблемам жителей иллирийских территорий, с которыми они сталкивались как в прошлом, так и к моменту жизни хрониста. Отсюда и обращение

⁷⁴ Козлов А.С. Указ. соч. - С. 57.

⁷⁵ Croke B. Op. cit. - P. 70.

повышенного внимания на произошедшие бедствия в связи с военными нашествиями различных народов. При этом подчёркивается благочестие и приверженность истинной христианской вере иллирийцев. В итоге эти сведения выводят Иллирик на общеимперский уровень, как регион, имеющий большой вес для Византии в целом.

§ 3. Место Константинополя в миропонимании Марцеллина

Для периода поздней античности в истории Византии большое значение играли города, являвшиеся политическими, социально-экономическими и культурно-идеологическими центрами государства.

Вопрос о становлении и развитии городов Византии, а также роли в этих процессах ранее существовавшей полисной системы, являлся дискуссионным как у западных, так и у отечественных исследователей.

Возникновение в зарубежной историографии дискуссии об античном наследии византийских городов связано с выступлениями на XI Международном конгрессе византинистов в Мюнхене в 1958 году, где Э. Кирстен указывал на упадок и аграризацию византийских городов в VII - IX вв., на трансформацию некоторых из них в крепости. Его же оппоненты югославский византинист Г. Острогорский и американский исследователь Р. Лопес – на сохранение значимой роли городских центров в период складывания новых средневековых систем⁷⁶.

Выражением значимости и актуальности этих двух концепций на византинистику впоследствии стал доклад греческого археолога Хр. Бураса об уровне изученности городов Византии, прочитанный в 1980 г. на XVI Международном конгрессе византинистов в Вене. В нём он указал, что материальная культура и светская архитектура провинциальных городов в одних случаях свидетельствуют о запустении в VII - IX вв. и кардинальном

⁷⁶ Сюсюмов М.Я. Византийский город // Византийский временник. - М., 1967. - Т. 27. - С. 39.

изменении градостроительства; в других же случаях культура отражает преемственность городов в их античном наследии⁷⁷.

Таким образом, выделяют два направления в разработке проблемы генезиса византийского города. Согласно одному из них города Византии не возникли на пустом месте, а имели в своей основе античную полисную традицию. Второе же направление утверждало обратное, указывая на кризис городов в позднеантичный период и на дезурбанизацию Византийской империи.

Эти два подхода отразились и в советской историографии. Актуальность проблемы развития византийского города была напрямую связана с вопросом о процессе перехода Византийской империи от рабовладельческого строя к феодализму. Первый подход стал напрямую связываться с теорией континуитета М.Я. Сюзюмова, второй же развивал А.П. Каждан, отстаивающий мнение о полной дезурбанизации в Византии VII – середины IX в. и о появлении городов как результата выделения из сельскохозяйственного производства ремесла.

В данной работе столичная проблематика в «Хронике» Марцеллина Комита будет рассматриваться, исходя из концепции континуитета.

Городская тематика в «Хронике» Марцеллина Комита представлена и множественными сообщениями о столице Византии. Сам Марцеллин прибывает из Иллирика в Константинополь в начале VI века; здесь он прожил большую часть своей жизни и стал свидетелем многих значимых событий за этот период⁷⁸.

Это определяет тот факт, что Константинополь занимает одно из центральных мест в хронике, а количество статей о столице преобладает в сравнении с другими городами империи.

⁷⁷ Романчук А.И. Византийский город периода «тёмных веков»: дискуссия в историографии второй половины XX в. // Известия Уральского федерального университета. - Екатеринбург, 2013. - № 4. - С. 24.

⁷⁸ Croke B. Count Marcellinus and his Chronicle. - London, 2001. - P. 102.

Константинополь предстаёт в хронике как место сосредоточения имперской власти (Mar. Com. 436; 384), город, где правитель Византии пребывает в своём священном дворце (Mar. Com. 462) и проводит триумфальные зрелища над побеждёнными врагами империи (Mar. Com. 498.2).

В этот период постепенно складывается имперская идеология, в которой ключевое место отводится фигуре правителя как исполнителя божественного провидения, а с его действиями начинает связываться судьба всего государства⁷⁹. Поэтому имперский характер столичного города приобретает особую значимость для Марцеллина.

В связи с этим, хронист уделяет большое внимание государственным строительным работам в Константинополе, постройке общественных мест и возведению памятников, что являлось проявлением заботы правителя о государстве и общественном благе. Таковыми действиями, например, являются восстановление церкви св. Софии после пожара (Mar. Com. 415.1) и постройка новых городских стен после землетрясения (Mar. Com. 447.3).

Такая деятельность, способствовавшая укреплению столичного города, положительно оценивалась хронистом. О необходимости императору проявлять свою опеку над обществом косвенно указывают статьи «Хроники» о меценатстве правителей Византии (Mar. Com. 389.1; 521). В этих действиях императоров проявилось слияние идей античности об общественной справедливости и христианской филантропии⁸⁰.

Помимо данных памятников, Марцеллин описывает и ряд других сооружений Константинополя: цистерна около колонны Константина (Mar. Com. 407), цистерна Аэция (Mar. Com. 421.3); термы Феодосия (Mar. Com. 427.2), форум Феодосия (Mar. Com. 435.1), бани Ахилла (Mar. Com. 443.3), городские акведуки (Mar. Com. 452.1), императорская ложа на ипподроме (Mar. Com. 528).

⁷⁹ Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. - М., 1998. - С. 55.

⁸⁰ Медведев И.П. Принцип социальной справедливости у византийцев // Византийский временник. - М., 1989. - Т. 50. - С. 123.

Среди столичных памятников, автор хроники перечислил серебряную статую императора Феодосия (Mar. Com. 390.3), статую Аркадия (Mar. Com. 421.2), статую императора Анастасия на Форуме Тавра (Mar. Com. 506). Данные монументы служили репрезентацией власти византийских императоров.

Тем не менее, византийская политическая структура продолжала сохранять в себе элементы республиканского устройства, о чём свидетельствует сохранение самоназвания «ромеи» среди жителей Византии, отсутствие династической системы передачи власти, а также деятельное участие народа в смещении императоров⁸¹.

То есть граждане империи, и столицы в особенности, являлись той социальной силой, с которой приходилось считаться ранневизантийским императорам. В связи с этим, Марцеллином были зафиксированы сообщения об общественных движениях и волнениях, происходивших в Константинополе.

Говоря о народных движениях, Марцеллин обозначает участвующих в них людей термином «populus». А в сообщении о голодном бунте 431 года автор сближает «populous» с понятием «plebs» (Mar. Com. 431.3). Движения этой части населения в «Хронике» ассоциируются с нестабильностью в византийском городе. Понятие же гражданина – «cives» - контрастно отличается, и характеризует его представителей как людей с устоявшейся социальной позицией (Mar. Com. 523). У Марцеллина таковыми представителями в первую очередь являются жители столицы – о них идёт речь в четырёх из пяти статей с использованием понятие «cives» (501 г., 512 г., 523 г., 532 г.)⁸². В пятой же статье говорится о жителях Иллирика (Mar. Com. 518.1).

⁸¹ Калделлис Э. Византийская республика: народ и власть в Новом Риме. - СПб., 2016. - С. 43.

⁸² Козлов А.С. Комит Марцеллин о позднеантичном городе // АДСВ. - Барнаул, 1992. - Вып. 26: Византия и средневековый Крым. - С. 47.

Местом возникновения городских волнений часто служил ипподром, в котором с конца IV века постепенно формируются социально-политические партии, выражавшие мнение и интересы различных слоёв византийского общества. Сведения о подобных восстаниях на ипподроме были представлены Марцеллином в «Хронике» (Mar. Com. 445.2; 473.2; 507.1).

Довольно детально и углублённо описывает хронист общественные движения, отличившиеся своей значимостью в рамках всей империи. Свидетелем этих происшествий мог быть и сам автор, использовавший в дальнейшем при описании свои собственные впечатления о произошедшем.

Во-первых, это конфликт между двумя фракциями – Зелёными и Голубыми – во время языческого праздника Бриты в цирке; в результате этого столкновения погибло около трёх тысяч жителей столицы (Mar. Com. 501. 1-3).

Во-вторых, - восстание из-за введённого монофизитской версии Трисвятого императором Анастасием. Марцеллин описал жестокость и нетерпимость властей к истинным католикам, часть которых была убита в церквях (Mar. Com. 512. 2). Данная статья также является примером негативного отношения хрониста к личности Анастасия, связанного с церковной политикой последнего.

Наконец, последним встречаемым подобным сообщением в «Хронике» является статья о восстании Ника. Здесь Марцеллин указывает на большое количество погибших граждан, на разрушение мятежниками церковь, представляя общественное движение как попытку сенаторской аристократии узурпировать власть императора, для чего ими был взбудоражен народ Константинополя (Mar. Com. 532).

Из перечисленных сообщений можно заметить, что Марцеллин Комит осознавал, какое влияние могло оказывать столичное население на политическую и социальную жизнь Византийской империи, в чём проявлялись традиции античного городского устройства.

С другой стороны, в период поздней античности у города возникает новая функция – как центра церковной деятельности. Церковный институт на данном этапе своего развития не только влияет на формирование новой культуры и христианского образа мысли, но и постепенно наращивает своё экономическое влияние в жизни городской общины.

С этим связана фиксация хронистом кратких сообщений о деятельности епископов в Константинополе. Это, например, информация о рукоположении в епископы Нестория при деятельном участии столичных жителей (Mar. Com. 428. 1-2) и об осуждении его еретического учения на Эфесском соборе (Mar. Com. 430. 3). К этим же сообщениям можно отнести статью о конфликте патриарха Евфимия с императором Анастасием (Mar. Com. 494.1; 495); и сведения об «узурпации», по воле того же Анастасия, места столичного патриарха Македония Тимофеем (Mar. Com. 511).

Так же, Марцеллин в «Хронике» указывал на Константинополь как место для проведения Вселенских соборов - Второго (Mar. Com. 381.1) и Халкидонского (Mar. Com. 451).

Важна для Марцеллина и святость столичного города. Так, присутствуют сведения о погребении мощей святых (блаженного Иоанна и Стефана Первомученика) в Константинополе (Mar. Com. 438.2; 439.2).

Как и в случае других византийских городов, упоминания о Константинополе связываются и с происходившими в городе бедствиями. Присутствует целый ряд сведений о пожаре, которые не встречались в отношении других городов (за исключением Антиохии).

Например, Марцеллин сообщает о возгорании Троадского портика (Mar. Com. 448.2), арки ипподрома (Mar. Com. 507.2; о нескольких случаях сгорания столичной церкви св. Софии (Mar. Com. 404.1; 446.2) и других районов столицы (Mar. Com. 433; 465.1; 509.1). Возможно, что упоминание о пожарах в Константинополе было связано с огромной значимостью

Константинополя для империи и с тем большим ущербом, который данное бедствие наносило позднеантичному городу⁸³.

В этой же связи, Марцеллин сообщает о землетрясениях в столице – этому посвящены три статьи его «Хроники» (402 г., 447 г., 480 г.), две из которых содержат подробные описания произошедшего (Mar. Com. 447.1; 480.1.). Землетрясения, помимо наносимого урона, были значимы и в их христианском восприятии как предвестия грядущего конца света.

В целом, можно сказать, что Константинополь занимал важное место и в жизни хрониста, и в его хронике, что связано с влиянием столицы, которое сказывалось на всей социально-экономической и политической жизни Византийской империи. Константинополь представлен Марцеллином и как сосредоточение могущества императора, и как центр общественных движений византийских граждан. Марцеллином было также отмечено, что Константинополь постепенно становится и центром церковной жизни ранней Византии.

⁸³ Козлов А.С. Указ. соч. - С. 55.

ГЛАВА 2. «ХРОНИКА» МАРЦЕЛЛИНА КОМИТА

§ 1. Анализ «Хроники» как части христианской культуры ранней Византии

Следует отметить, что сам жанр всемирной хроники зарождается как одно из направлений (наряду с собственно историей) жанра позднеантичной историографии в христианской литературе. Для хроники как исторического жанра в литературе было характерно постатейное краткое описание сюжетов и событий по хронологическому порядку (обычно «от сотворения мира» до времени жизни авторов); в основе же исторических концепций хроник лежал провиденциализм и вера в «божественную волю»⁸⁴.

В дальнейшем основными характерными чертами хроники станет анонимность автора, компилятивность и христианская апологетическая идея, представляющая причинами исторических событий божественное волеизъявление⁸⁵.

Если обратиться к «Хронике» Марцеллина Комита, то следует отметить, что отдельные вышеперечисленные черты были характерны и для неё (краткий постатейный пересказ событий, идея о божественной воле). Также, несмотря на то, что хроника по большей части освещает светские события, Марцеллин уделяет внимание и истории христианской церкви.

В рассматриваемый период, церковный институт начинает расширять своё влияние. Усиление церкви происходило как в социально-экономической, так и в культурной сферах. Так, постепенно под руководство и управление церковного института переходит часть городской общинной собственности, а сама церковь начинает выполнять функции курии, заключающиеся в поддержке торговли и хозяйственного управления,

⁸⁴ Бибииков М.В. Историческая литература Византии. - СПб., 1998. - С. 21.

⁸⁵ Удальцова З.В. Из византийской хронографии VII в. // Византийский временник. - М., 1984. - Т. 45. - С. 62.

развитие образования и строительства в городах. К V же веку городское самоуправление начинает возглавлять епископ⁸⁶.

Сама же процедура выбора епископа по форме была схожа с процедурой выборов муниципального магистра, при этом активное участие на епархиальных соборах принимали жители самих городов, оказывая «поддержку снизу»⁸⁷.

Эта активная позиция горожан в церковной жизни может быть названа наследием от античного городского самоуправления, приобретшего новые черты в связи с христианизацией ранневизантийского общества.

При этом общеимперская система церковного управления значительно уступала в своей организации такой локальной системе – в IV веке церковные общеимперские Соборы созывались нерегулярно, они в большей степени являлись собраниями сторонников того или иного церковного течения, а состав участников определялся на основе личных связей. Это было связано с тем, что соборы как особая правовая система управления и регуляции церковной организации только начинали оформляться⁸⁸.

Процесс централизации устройства церковного управления происходил параллельно и под влиянием процесса усиления имперской власти, что наиболее явно отразилось в церковной политике византийского императора Юстиниана. Последний считал необходимым упрочнение взаимодействия между церковью и государством, исходя из чего, им был принят ряд мер по преодолению религиозных разногласий и устранению еретических течений. При нём развёртывается крупная программа по строительству храмов, увеличивается авторитет епископов на местах, а также улучшается материальное положение церкви в целом⁸⁹.

⁸⁶ Курбатов Г.Л. История Византии - М., 1984. - С. 29.

⁸⁷ Захаров Г.Е. Церковь в системе общественной жизни балкано-дунайского региона в IV - V вв.: диссертация ... к.и.н. - М., 2011. - 365 с.

⁸⁸ Захаров Г.Е. Иллирийские церкви в эпоху арианских споров (IV - начало V в.). - М., 2014. - С. 310.

⁸⁹ Курбатов Г.Л. Указ. соч. - С. 135.

Христианизация сказывается и на культурном облике ранневизантийского общества. Под влиянием церкви происходит переосмысление обществом своего прошлого и его значения для уже христианского мира.

Так, сама позднеантичная хроника, как жанр, возникший на основе античных форм исторической литературы, отражала христианское понимание исторического хода событий и причин, лежавших в его основе. Цель хроники заключалась в том, чтобы дать исчерпывающие короткие сведения о прошлом человечества; первопричиной же тех или иных исторических явлений являлось божественное провидение⁹⁰.

Со временем авторский взгляд и позиция окончательно сменилась в хрониках анонимностью и общехристианским пониманием истории, представляемым в виде определённых религиозных стереотипов⁹¹.

Но в позднеантичных хрониках эти жанровые отличительные черты хроники проявлялись ещё не полностью – в хрониках этого периода можно обнаружить оценочные суждения и личные взгляды автора на события и персоналии в истории. Одной из таких хроник и был труд Марцеллина Комита.

Хронист позиционировал данную хронику как продолжение трудов Евсевия и Иеронима Стридонского; Иероним же в свою очередь переводил Евсевия Кесарийского с греческого на латинский язык, доведя свою работу до времени правления императора Валента. Но в отличие от своих предшественников Марцеллин отошёл от лишь церковного содержания хроники, соединив светские и церковные события как два равнозначных фактора в становления Византии в качестве мощного христианского государства⁹².

⁹⁰ *Croke B.* Count Marcellinus and his Chronicle. - London, 2001. - P. 168.

⁹¹ *Удальцова З.В.* Источники по истории Византии IV – первой половины VII в. // История Византии: В 3-х томах / Отв. ред. Сказкин С.Д. - М., 1967. - Т. 1. - С.47.

⁹² *Treadgold W.* The Early Byzantine Historians. - New York, 2007. - P. 234.

То есть в «Хронике» Марцеллином были зафиксированы определённые сведения, касающиеся истории церкви в различных её проявлениях.

Так, Марцеллин Комит придавал особое значение взаимодействию между церковью и императором, власть которого в ранневизантийском обществе постепенно начинала приобретать сакральные черты. Поэтому хронист особо выделял Феодосия и Юстиниана – то есть тех правителей, которые способствовали укреплению церковного института.

Например, по мнению хрониста, император Феодосий был благочестивым защитником империи, содействовал её развитию, частности он «утверждал католическую церковь» (Marс. Com. 379.1).

Во многом образ императора Феодосия совпадает с представлением Марцеллина о Юстиниане, успешные военные действия которого, а также его попытки решить церковные кризисы вызвали положительную оценку хронистом его политики как стабилизирующей и укрепляющей государство фактор. Особо выгодно «святейший император» Юстиниан показан в «Хронике» при описании восстания Ника, где первым же действием правителя после событий в столице становится восстановление церкви (Mar. Com. 532).

Следуя этой же логике, Марцеллин показал императора Анастасия исключительно как отрицательного правителя в истории государства – ведь его поддержка монофизитства, по мнению хрониста, порождала лишь раздробленность общества, что ослабляло империю.

Поэтому при описании протеста против действий Анастасия (из-за ведения им монофизитской версии Трисвятого) Марцеллин в ярких подробностях описывает жестокость в подавлении недовольства истинных католиков, которые «были порублены в этой церкви» или убиты в тюрьмах (Mar. Com. 512. 2). А сам Анастасий предстаёт как слабый и неспособный разрешить конфликтную ситуацию правитель, ожидать от которого можно только пустые лживые обещания (Mar. Com. 512. 7 - 8).

Таким образом, в «Хронике» чётко показаны антиеретические взгляды хрониста, для которого любой раскол, в том числе и церковный, расценивался как опасность для сильной империи.

Отсюда, важным аспектом становится для Марцеллина фиксация в хронике имён отдельных правоверных христианских деятелей в рамках представляемой им церковной истории.

Примером здесь служат сообщение о константинопольском патриархе Евфимие, «мужественно противостоявшего» императору Анастасию (Mar. Com. 494.1). Ранее Евфимий добился обещания от правителя поддержать халкидонян. В данной же статье говорится о прекращении даже формального соблюдения этой договорённости, что Марцеллин характеризует как «объявление гражданской войны против православной веры» (Mar. Com. 494.1). В итоге Евфимий был изгнан (Mar. Com. 495).

Таким же образом Анастасий, по сведениям из хроники, поступал и с другими несогласными с его политикой епископами. Сообщается, например, о ссылке патриарха Антиохии Флавиана и епископа Палтоса Иоанна в крепость Петра, где бывший патриарх умер, Иоанн же был в последствии восстановлен при Юстине (Mar. Com. 512.9).

Был выслан из столицы «без вины» и патриарх Македоний, на что резко отреагировал комит федератов Виталиана-скифа (возможно являвшегося кузеном сосланного епископа). Фактически он восстал против про-монофизитской церковной политики Анастасия, а его войска – более 60 тысяч конницы и пехоты – были расположены вблизи от столицы для защиты Македания и интересов правоверных жителей империи (Mar. Com. 514.1).

В схожем ключе Марцеллин сообщает об иллирийских епископах, призванных в столицу Анастасием, среди которых были Лаврентий Лихнидский, Домнион Сердикийский, Алкисс Никопольский, Гайян Наиский, Евангел Павталийский (Mar. Com. 516.3). В данной статье Марцеллин вновь описывает несправедливость в отношении благочестивых служителей церкви. Тем не менее, сосланные из-за отказа поддержать

церковную политику императора, Домнион и Евангел в итоге были возвращены в свои епархии. Лаврентий был вылечен в церкви Космы и Дамиана и вернулся на родину, где умер в возрасте 80 лет (Mar. Com. 516.3).

Данная статья также показывала жителей префектуры Иллирик как правоверных последователей истинной веры, что было важно подчеркнуть Марцеллину Комиту.

О церковных деятелях, занимавших антиеретическую позицию, хронист упоминает и в статьях, охватывающие другие временные периоды. Им было включено в хронику сообщение о «самом красноречивом слугителе Христа», Григории Назианзине из Каппадокии, который «боролся с вероломством ариан» до их изгнания из церкви императором Феодосием (Mar. Com. 380).

Марцеллин также выделил иллирийца Иеронима Стридонского, посветив ему одну из самых пространств статей своей хроники (Mar. Com. 392.2). Одним из источников информации для этой статьи, возможно, выступали записи самого Иеронима. К заслугам этого деятеля автор хроники относит создание «башни католической церкви неуязвимой для стрел еретиков» - то есть издание книг апостолов и собственных интерпретаций книг пророков. Тем самым Иероним дал источники, доказывающие ложность еретических учений. Отмечен Марцеллином и масштабный перевод Иеронимом на латынь с еврейских рукописей Ветхого Завета и Евангелие от Матфея, «пророка Даниила с халдейского, и Иова Справедливого с арабского» (Mar. Com. 392.2).

Среди других известных христианских деятелей в «Хронике» присутствует информация о жизни Иоанна Златоуста до его посвящения в сан епископа в Константинополе в 398 году. Например, отмечается создание им «прекрасных богословских работ» (Mar. Com. 398.3). Упоминается также о его изгнании в город Куккуз в результате заговора, а спустя год уже в поселение Комана. Присутствует и статья с сообщением о смерти и

погребении Иоанна Златоуста в церкви мученика Василиска (Mar. Com. 402.3).

Отдельно упоминалось в «Хронике» и о пресвитере Антиохии Исааке, к заслугам которого относится создание трудов против евтихиан и несториан на сирийском языке; он же написал элегическую поэму о разрушении Антиохии (Mar. Com. 459).

Присутствует и статья о епископе Феодорите Кипрском – авторе книги о воплощении Христа, направленной против пресвитера Евтиха и епископа Александрийского – Диоскора (Mar. Com. 466).

В целом, как видно из описанного выше блока статей, Марцеллин стремился обозначить в своём труде тех деятелей церкви, кто, с его точки зрения, заложил основы для распространения и укрепления христианского вероучения в его неискажённом ересями виде.

Следующий блок статей «Хроники» охватывает сюжеты, отражающие усилившееся положение церкви в городах ранней Византии. Так, у Марцеллина, упоминаются места проведения Вселенских соборов. К таким городам относятся: Эфес, где прошёл «разбойничий» собор (названный так папой Львом), на котором был лишён сана епископ Флавиан (Mar. Com. 449.2); Силон, в котором прошёл созванный Анастасием «печально известный и осмеиваемый» Собор, где присутствовало около 80 епископов-еретиков (Mar. Com. 512.8). Как место проведения Соборов упомянут и Константинополь, где проходили Второй (Mar. Com. 381.1) и Халкидонский (Mar. Com. 451) соборы.

Все вышеперечисленные Соборы ставили своей целью решение различных догматических разногласий, осуждение ересей и решение разногласий между представителями церкви в различных областях империи. Поэтому включение сообщений о них было важно для Марцеллина, видевшего в консолидированной церкви фактор укрепления государства.

Далее, в «Хронике» Марцеллина возможно в некоторой степени проследить взаимодействие между городской общиной и церковным

институтом. Здесь можно указать на статью о рукоположении в епископы Нестория, происходившее при активном и деятельном участии жителей Константинополя (что отражало значимую роль горожан при выборах епископа) (Mar. Com. 428. 1-2).

Об этом же косвенно свидетельствует информация об «узурпации» по воле императора Анастасия места патриарха Константинопольского – Македония – Тимофеем (Mar. Com. 511). Эта статья говорит о неправомерности со стороны императора подобных смещений.

Наконец, следующий блок статей хроники связан с таким христианским явлением как возникновение священных реликвий и святости места, которой обладала и столица империи. Поэтому отмечена информация о погребении мощей святых - блаженного Иоанна и Стефана Первомученика - в Константинополе (Mar. Com. 438.2; 439.2).

Особо интересна в этом контексте довольно обширный исторический экскурс об открытии монахами монастыря Спелайон в Эмесе главы Иоанна Крестителя (Mar. Com. 453.1 - 4). Возможно, что столь подробное описание является вставкой хронистом информации, взятой из официального сообщения об открытии главы в консульство Винкомала и Опилиона.

Что же касается церковной истории западной части империи, то она освящена хронистом не так подробно в сравнении с историей церкви на востоке. Например, Марцеллин упоминает в отдельных кратких статьях назначение на должность понтифика Римской церкви: Дамаса (Mar. Com. 382.3), Сириция (Mar. Com. 383.1), Анастасия (Mar. Com. 398.1), Иннокентия (Mar. Com. 402.1), Зосима (Mar. Com. 417.3). Был упомянут и Евхерий - епископ Лиона, автор полезных для церкви и монашества трудов (Mar. Com. 456.2). Подробных же сведений об их деятельности не встречается.

Исключением здесь является эпизод с посещением папой Иоанном в 526 году (Марцеллин датирует посещение годом раньше). Данный визит был совершён по просьбе Теодориха, стремившегося добиться защиты ариан в Италии после возобновления их преследований при Юстине. Хронист

описывает те огромные почести, что были оказаны Иоанну, который «громогласно праздновал Воскресение Господа по римскому обычаю» в Св. Софии (Mar. Com. 525).

Вполне закономерно, что такое общеимперское событие было выделено и более подробно описано Марцеллином, чем другие сюжеты, связанные с деятелями церкви в западной части империи. К тому же, хрониста не могли не волновать проблемы взаимодействия между иллирийскими церквями и римским папой.

Таким образом, церковная история у Марцеллина отражает его представления о Византии как сильной христианской империи. Хронистом был показан процесс становления и укрепления христианской церкви в рамках догматов Вселенских соборов и проводимой Юстинианом церковной политики.

Другим проявлением христианского мировоззрения автора является восприятие им стихийных бедствий.

Для территории ранней Византии частые землетрясения были характерны, что связано с расположением столицы Византии в Северо-Анатолийской зоне разлома, что и вызывало повышенную сейсмическую активность. Но совсем иначе землетрясения и иные природные катаклизмы воспринимались жителями ранней Византии, которые ассоциировали подобные явления как божественные предзнаменования о грядущей катастрофе, либо как проявление Божьего наказания за грехи людей. Поэтому после землетрясений население города, возглавляемое императором и знатными горожанами, совершало искупительные моления среди разрушенных сооружений. Сами же дни землетрясений заносились в святцы для их поминовения крестным ходом и всенародным молением⁹³.

В понимании людей этого периода землетрясения представлялись и как эсхатологическое предвестие изменений их земного мира; это восприятие основывалось на Апокалипсисе Иоанна, где говорилось - перед концом света

⁹³ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1: 395-518 годы. - СПб., 2003. - С. 143.

должны были последовать землетрясения⁹⁴. Эти особенности восприятия катастроф отразились и у Марцеллина Комита. Примером здесь могут служить следующие статьи «Хроники».

К примеру, в статье 447 года Марцеллин описывает «великое землетрясение», последствиями которого стало обрушение стен и 57 башен, нескольких зданий и статуй на Форуме Тавра в Константинополе; были полностью разрушены многие города, а общее разрушение привело к голоду, болезням и «гибели много тысяч людей и животных» (Mar. Com. 447.1).

В хронике упоминается и разрушения в 518 г. «в провинции Дардании 24 крепостей» из-за сейсмической катастрофы (Marc. Com. 518.1).

Нехарактерное для хроники развёрнутое и детализированное сообщение о землетрясении содержится и в статье за 518 год. Его подробность объясняется личной заинтересованностью Марцеллина в иллирийской тематике. Есть вероятность, что подробные сведения он получил из официального отчёта для императорского двора (о чём говорит схожесть этого фрагмента хроники с другими подобными сообщениями), либо же из канцелярии Дардании по своему личному запросу⁹⁵.

Из других природных катастроф, в «Хронике» упоминается об извержении Везувия под 472 годом: «Ночная тьма закрыла день, и казалось, что вся поверхность Европы покрылась частицами пыли» (Mar. Com. 472.1).

Итак, очевидно, что Марцеллином отмечались сейсмические бедствия и другие природно-климатические катастрофы, так или иначе связанные с городами.

В заключение можно сказать, что хроника Марцеллина Комита была тесно связана со становлением и развитием христианской культуры. Включение в хронику сведений о природных катастрофах было не только связано с личными интересами Марцеллина, но и с представлением о

⁹⁴ *Василик В.В.* Отражение стихийных бедствий и эпидемий VI века в кондаках святого Романа Сладкопевца // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. - Кострома, 2015. - №5. - С. 8.

⁹⁵ *Croke B.* Op. Cit. - P. 52.

бедствиях как о результате божественной воли, знаки которой необходимо было зафиксировать в христианской письменной традиции.

Также, большое значение для хрониста играет история церкви, которая тесно перекликается с другими тематическими блоками данной хроники – с имперскими, городскими (в большей степени константинопольскими), а также частично иллирийскими сюжетами. Всё более возрастающая роль церкви как социального института в социально-политической, экономической и культурно-идеологической сферах становится важным фактором для развития ранневизантийской империи. Поэтому включение церковной истории в повествование становится закономерной целью для Марцеллина Комита, который стремился своей работой показать процесс становления сильной христианской империи.

§ 2. Отражение имперской идеологии в Хронике

Период поздней античности для Византийской империи характеризовался преобразованием и трансформацией всех сфер общества и его структур, включая социально-политические и экономические институты. Одно же из важнейших мест в социально-политической структуре ранневизантийского общества занимал император.

В представлении жителей ранней Византии об императорской власти лежали три основные концепции. Первая из них – эллинистическая традиция о «божественном правителе», придававшая универсальный характер политической власти императора. В римской традиции эта концепция была преобразована в политической культуре, породив собою так называемый «культ императора»⁹⁶.

При этом воздаваемые правителю римлянами почести были частью их юридического сознания, и культовые акты, таким образом, не означали

⁹⁶ Gradel I. *Emperor Worship and Roman Religion*. - London, 2004. - P. 64.

становление императора «богом», но лишь наделяли его особым социально-правовым статусом. Чтили же гений самого императора, то есть то качество, что приближало приближавшее античного человека к богам⁹⁷.

После же установления христианства в качестве официальной религии культ императора приобрёл новые видоизменения качественного характера, и в итоге языческая «божественность» постепенно сблизилась с христианским понятием «святости». Подобный синтез традиций осуществила новая светская уже христианизированная интеллигенция⁹⁸. О продолжении же существования этого культа в рамках христианской идейной системы свидетельствуют нумизматические данные: например, использование изображения Виктории Августы на реверсе монет⁹⁹.

Традиция сакрализации власти и самой личности императора со временем становится одной из ключевых идей, оказавших значимое влияние на понимание жителями Византии места и роли правителя государства, которые виделись ими как ключевые в государственно-общественной системе.

Одной из ранних концепций, обосновавших идею о христианском императоре, стало представление Евсевия Кесарийского, который полагал, что власть императора на земле – подобие власти божественной на небесах. Сам же верховный правитель представал как «учитель благочестия» и защитник истинной христианской веры (Eus. De laudibus Constantini. 5).

Эти положения Евсевия были, затем, развиты другими христианскими мыслителями, итогом же стала концепция, согласно которой правитель представлялся наместником бога, вдохновляемый и побуждаемый к действиям божественной волей, толкователем Слова Божия. Сосредоточение в руках императора практически всей полноты государственной власти

⁹⁷ Gradel I. Op. cit. - P. 64.

⁹⁸ Рудоквас А.Д. Христианская интеллектуальная элита и культ императора // Интеллектуальная элита античного мира [Электронный ресурс]. - URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/1995-11/rudokvas.htm> (дата обращения: 13 апреля 2018).

⁹⁹ Там же.

основывалось на идее акта её божественного дарования правителю. Божественный характер власти, которой наделялся император, стал подчёркиваться и через сложный церемониал, и через дворцовый этикет¹⁰⁰.

Так происходил процесс оформления византийской имперской идеологии в период поздней античности, в результате которого в основе имперской концепции были соединены элементы эллинистического деспотизма, римские культовые традиции, и христианский принцип: император как исполнитель божественного провидения.

Безусловно, что эти представления о характере имперской власти, а также о месте императора в рамках византийского государства нашли своё отражение в «Хронике» Марцеллина Комита. Понимание истории и судьбы государства теперь не представлялось возможным без определяющей роли в нём божественной воли, проявлявшейся и через действия правителя в том числе. Поэтому обращение к данной теме было для Марцеллина вполне закономерным. И хотя многие статьи его хроники были краткими, всё же присутствует ряд значимых пассажей, направленных в сторону некоторых императоров, оказавших положительное, либо отрицательное влияние (по мнению хрониста) на ход исторического процесса в ранней Византии.

Можно отметить, что в некоторых статьях явно выражается идея о сакральности имперской власти. Очень показательна здесь статья за 379 год об императоре Феодосии, который «исповедовал единственную веру и утверждал католическую церковь», что ставило его выше среди других правителей, по мнению Марцеллина (Marc. Com. 379.1).

А борьба «одарённого милостью Христа» Феодосия против ариан и возрождение им величия церкви становятся важными заслугами в рамках повествования хрониста о его деятельности (Marc. Com. 380).

Наряду с этим Марцеллин отмечает его военные походы в Италию для борьбы с «узурпатором Максимом» (Marc. Com. 387. 2) и во Фракию - для защиты от разорения вражескими силами (Marc. Com. 386. 1).

¹⁰⁰ Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. - М., 1998. - С. 55.

Этим Марцеллин Комит подчёркивал христианское благочестие императора Феодосия, которое, по его мнению, выражалось в поддержке и церковного института, и истинной веры, и в защите целостности и благополучия империи.

В «Хронике» Марцеллин воздерживался от явной критики правителей ранней Византии, за исключением императора Анастасия, чья про-монофизитская церковная политика отрицательно воспринималась хронистом.

В хронике Марцеллина образ Анастасия приобретает исключительно негативные черты: лживый, деспотичный и жестокий правитель своими действиями лишь наносит вред государству и его благополучию.

Хронист довольно часто останавливался на сюжетах борьбы Анастасия с ортодоксальным христианством: это и несправедливость по отношению к столичному епископу Евфемию, которого Анастасий изгнал из города (Mar. Com. 495); и «жертва» религиозной политики императора в лице патриарха Константинопольского Македоний, обвинённый «по доносу еретиков» (Mar. Com. 511).

Неудобными для граждан в пользовании оказываются и введённые Анастасием в обращение новые монеты, как отмечал Марцеллин (Mar. Com. 498. 3).

Столь же неодобрительно как и религиозную политику Анастасия, оценивал хронист и его военный поход в Италию в 508 году, в котором комиты Роман и Рустик принесли императору «позорную победу» римлян над римлянами (Mar. Com. 508). С учётом того, что под данным годом зафиксировано лишь одно это событие, можно предположить: Марцеллин стремился данной статьёй подчеркнуть ошибочность поступков императора Анастасия, которые не сплотили государство, а лишь разобщили его.

Поэтому кульминационным событием периода правления Анастасия в «Хронике» становится восстание против императора в 512 году, свидетелем которого мог быть и сам Марцеллин. Поводом к выступлениям стал приказ

Анастасия о введении монофизитской версии Трисвятого. При этом хронист отмечал особую жестокость в отношении к истинным католикам (вплоть до убийства в самих церквях) при подавлении недовольств (Mar. Com. 512. 2).

Обещания и действия самого императора в данной ситуации оцениваются как лживые и пустословные; а последующий собор в Сидоне – «кощунственным» (Mar. Com. 512. 7-8).

В целом, становится ясно, что для Марцеллина важным критерием в оценке деятельности императора и его политики являлось фактор взаимоотношений правителя с церковью. Несоблюдение канонического права и попытки сближения с еретическими учениями стали той причиной, по которой Анастасий был так явно осуждён в «Хронике». Эти взгляды хрониста могла разделять и большая часть византийского общества в период первых годов правления Юстиниана.

Что же касается личности Юстиниана и его представления в «Хронике», то уже под 521 годом Марцеллин отмечал щедрость консула и его известность среди народа (Mar. Com. 521). Такую же положительную оценку Юстиниану Марцеллин даёт и при описании возведённых, уже императором, построек. К примеру, отмечалось, что императорская ложа стала «более величественной и яркой» (Mar. Com. 528).

Во внутренней политике Юстиниана, как и в случае с Феодосием, одной из основных заслуг становится защита правителем рубежей империи от вражеских нашествий – от нападений парфян и вандалов (Mar. Com. 529). Такая аналогия могла быть совершена хронистом намеренно, в качестве совета самому императору достичь величия Феодосия и за счёт поддержки церкви, и за счёт защиты периферийных территорий империи¹⁰¹.

Как в случае с Анастасием, так и в случае с Юстинианом ключевым моментом в отражении периода их правления становится восстание. Только в случае со «святейшим императором» Юстинианом восстание Ника

¹⁰¹ Козлов А.С. Комит Марцеллин и его «Хроникон» в исследовании Б. Кроука // Россия и мир: панорама исторического развития. - Екатеринбург, 2008. - С. 10.

оценивается как попытка узурпировать его власть со стороны Ипатия, Помпея и Проба, а не как закономерное недовольство граждан правителем, которое было в событиях при Анастасии. Более того, хронист подчёркивает, что одним из первых действий Юстиниана после подавления выступления, виновники которого разорили Константинополь, стало восстановление церкви (Mar. Com. 532).

Таким образом, подавление выступления подаётся хронистом как победа Юстиниана над узурпаторами-бунтовщиками из senatorской аристократии, что возможно являлось официальной версией произошедшего в период правления Юстиниана. Более того, эта победа вписывалась в рамки христианского понимания истории: власть в итоге осталась у законного правителя, деяния которого воплощали собой божественную волю.

Вполне возможно, что подобное представление правления Юстиниана выражало и ожидания иллирийцев, проживавших в столице, надеявшихся на защиту Иллирика от варварских набегов со стороны императора¹⁰².

В заключение можно отметить, что в позднеантичной «Хронике» Марцеллина Комита нашла выражение оформившаяся к тому моменту имперская идеология. Восхваление императора хронистом напрямую было взаимосвязано, во-первых, с успехом правителя в защите государства от внешних врагов и с сохранением благополучия империи; а, во-вторых, с распространением им ортодоксального христианства и с поддержкой церкви. Отклонение же от этих задач Марцеллином осуждалось.

Также следует сказать, что в своей оценке Марцеллин исходил не только из приоритетов церкви. Основной проблемой для Марцеллина (что подчёркивает и светский характер хроники) остается вопрос благополучия и целостности государства. Процветание же империи в представлении византийцев к моменту написания хроники напрямую связывалось с личностью императора, власть которого имела божественный характер. Этим

¹⁰² Козлов А.С. Указ. соч. - С. 12.

и объясняется столь пристальное внимание Марцеллина Комита к взаимоотношениям ортодоксальной церкви и правителя.

§ 3. Вопрос о месте латинской хроники Марцеллина Комита в Константинополе

Важной чертой «Хроники» Марцеллина Комита является то, что она была написана на латинском языке, что относит её к латиноязычному пласту культуры Константинополя VI века.

Хроника как жанр, отражавший воззрения христиан на исторический процесс, оформлялась в ранней Византии под сильным влиянием, как античной культуры, так и ветхозаветной традиции. Необходимость в формировании представления об исторических процессах была вызвана потребностью в понимании принципов устройства окружающего мира и в определении места и роли человека в нём¹⁰³. И так как языческое представление о ходе истории не соотносилось с христианским миропониманием, возникла потребность в новом литературном жанре, отражавшем христианскую концепцию осмысления прошлого.

Возникновение христианской латинской исторической литературы приходится на IV - начало V в. На момент своего появления латинские исторические сочинения находились под большим влиянием языческой и восточно-христианской литературы различных жанров. В этот же период возникают первые исторические концепции и формы исторических сочинений¹⁰⁴.

Данные сочинения христианских авторов создавались с целью доказать процессуальный характер и всеобщность истории, что, в свою очередь, было

¹⁰³ Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии. - М., 2005. - С. 7.

¹⁰⁴ Тюленев В.М. Указ. соч. - С. 9.

продиктовано необходимостью органично соединить историю христианства с языческой историей в едином закономерном историческом процессе¹⁰⁵.

В VI веке процесс развития христианской исторической традиции протекал довольно динамично. В этот период создавались такие труды как: «Церковная история» Захарии Митиленского (греческий оригинал которой не сохранился, а дошёл лишь сирийский изменённый перевод Псевдо-Захарии), охватывавшая период с 450 по 491 годы; «Церковная история» Евагрия Схоластика (за 431 – 594 гг.), а также обширная хроника на греческом языке Иоанна Малалы от Сотворения мира до 527 года (в последствие до 565 года)¹⁰⁶.

Таким образом, к VI веку постепенно сложились некоторые жанровые особенности хроники, которые отразились в труде Марцеллина Комита, уже использовавшего в своём труде устоявшиеся схемы.

Одной из них являлось использование ранее созданного труда – либо как основы для продолжения, либо как переработки исходного христианского источника к принятому на данный момент формату. Так, Марцеллин являлся продолжателем работы Иеронима; сама же «Хроника» обнаруживается в самом раннем манускрипте – оксфордском Codex Tilianus, который также была включена хроника Стридонца¹⁰⁷.

Также, в «Хронике» Марцеллин выступает в качестве не только продолжателя Евсевия и Иеронима, но и как последователя концепции о непрерывном ходе исторического процесса и его линейности, что позволяло установить периодизацию историю согласно христианской идее о

¹⁰⁵ Уколова В.И. Представления об истории на рубеже античности и средневековья // Идеино-политическая борьба в средневековом обществе. - М., 1984. - С. 42.

¹⁰⁶ Kaldellis A. Byzantine Historical Writing, 500–920 // Oxford History of Historical Writing / eds. S. Foot and C. Robinson. - London, 2012. - P. 203.

¹⁰⁷ Козлов А.С. Комит Марцеллин и его «Хроникон» в исследовании Б. Кроука // Россия и мир: панорама исторического развития: сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. - Екатеринбург, 2008. - С. 5.

«провиденциальном плане». Об этом, в частности, свидетельствует вступительная часть хроники¹⁰⁸.

Такое понимание периодизации истории и самой сути исторических событий приводило к отсутствию в хрониках чёткой тематической концепции, так как материал отбирался и организовывался по хронологическому принципу, выступающему как основному связующему элементу между различными сюжетами и событиями. Поэтому в позднеантичных хрониках зачастую трудно выявить какое-либо личностное отношение автора к происходящим событиям, его оценку происходящих изменений¹⁰⁹.

Тем не менее, в «Хронике» Марцеллина Комита есть и несвойственные последующим хроникам черты – более обширные и подробные по содержанию статьи. Частично возможно просмотреть и личную оценку хрониста тех или иных событий и деятелей (наиболее явно она выражена в отношении таких деятелей как императоров Анастасия и Юстиниана, а также церковных иллирийских служителей, что было рассмотрено в предыдущих главах).

Необходимо также отметить, что в самом Константинополе в VI веке сложилась достаточно сильная латиноязычная культурная прослойка населения. Это, в свою очередь, способствовало росту числа сочинений (в том числе и исторических хроник) на латинском языке, которые могли бы быть поняты и восприняты общественностью. Основную часть этой латинской общности составляли уроженцы романских областей Иллирика (откуда происходил сам Марцеллин) и Италии¹¹⁰.

Рассмотренные же выше тематические и сюжетные разделы «Хроники» (образ Константинополя, иллирийская проблематика) оказываются тесно взаимосвязанными с латинским языком исторического труда Марцеллина.

¹⁰⁸ Козлов А.С. Комит Марцеллин, Виктор Туннунский и Марий Аваншский о «чужих» народах // Античная древность и средние века. - Екатеринбург, 2000. - Вып. 31. - С. 74.

¹⁰⁹ Козлов А.С. Комит Марцеллин, Виктор... - С. 81.

¹¹⁰ Козлов А.С. Комит Марцеллин и его ... - С. 15.

Данные темы, особо выделяемые хронистом по ходу изложения событий, могут быть свидетельством некой рефлексии латиноязычного столичного населения, интересы которого были тесно взаимосвязаны с Константинополем, а иногда и с Иллириком, но в обоих случаях имели общеимперский характер¹¹¹.

Так, по мнению Б. Кроука, часть «Хроники», в которой особенно ярко показана деятельность Юстиниана, то есть серия статей за 519 – 534 годы, освещающая события в основном лишь в пределах столицы, говорит скорее о восточно-римской ориентированности труда Марцеллина, несмотря на использование латыни и дальнейшее распространение «Хроники» в западной части империи¹¹².

Можно также предположить, что Марцеллин ориентировался и на более широкую аудиторию, нежели только латиноязычную столичную среду. Например, его утраченный в 4-х книгах труд об Иерусалиме и Константинополе мог заинтересовать не только жителей византийской столицы, но и многих паломников, знавших латынь. К тому же к VI веку Константинополь часто становился базой для потока паломников из западных частей империи; поэтому данные работы Марцеллина могли быть особенно полезны¹¹³.

Но всё же основными читателями хрониста являлись ветераны и беженцы из латинизированного Иллирика, количество которых особенно возросло при императорах – выходцах из данной области, то есть при Анастасие, Юстине и Юстиниане, о чём говорит постоянный интерес Марцеллина к Иллирику, даже в период его пребывания в столице. И всё же, все они осознавали себя как «ромеев», граждан Римской империи и подданных своего императора¹¹⁴.

¹¹¹ *Croke B.* Count Marcellinus and his Chronicle. - London, 2001. - P. 38.

¹¹² *Croke B.* Op. cit. - P. 40.

¹¹³ *Ibid.* - P. 43.

¹¹⁴ *Ibid.* - P. 53.

И хотя сам Марцеллин как автор хроники и топографических трудов по Константинополю и Иерусалиму зачастую не упоминается в последующих средневековых трудах о византийской литературе (так же он отсутствует в сочинениях о латинских авторах), для современников он являлся значимым хронистом¹¹⁵.

Предположение, что латинский писатель VI века был бы чуждым элементом в Константинополе, будет ошибочным. Как и другого латинского автора – Кориппа (с его панегириком о Юстине II), - Марцеллина следует рассматривать и исследовать его труд с точки зрения на него как на латиноязычного писателя, выражавшего интересы данной культурно-языковой группы, проживавшей в Константинополе, где всё большую роль приобретала греческая интеллектуальная традиция и литература¹¹⁶.

В заключение следует отметить, что «Хроника» Марцеллина Комита является важным памятником латинской культуры Константинополя VI века. Освещая интересы и взгляды латиноязычной столичной общности, Марцеллин, тем не менее, придавал своей работе общеимперский характер, что видно из подаваемых им в «Хронике» сюжетов. Но всё же основной аудиторией хрониста оставались константинопольские горожане, понимавшие латынь. А последующее усиление грекоязычной культуры и вытеснение латыни сделало «Хронику» Марцеллина Комита более актуальной и известной для западной исторической традиции.

¹¹⁵ *Treadgold W. The Early Byzantine Historians. - New York, 2007 - P. 232.*

¹¹⁶ *Croke B. Op. cit. - P. 12.*

ГЛАВА 3. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЛАТИНСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

§ 1. Воплощение жанра античного эпоса в творчестве латинского поэта

Кориппа

Следует отметить, что в VI – VII века греческий язык хоть и являлся доминирующим в ранней Византии, но не единственным языком письменной традиции. Продолжали создаваться труды, например, на сирийском и латинском языках. Тем не менее, после арабских завоеваний наблюдалось заметное истощение латиноязычной традиции – даже имперская администрация стала постепенно переходить на греческий язык¹¹⁷.

Этот же период характеризуется разнообразием жанров, что было связано с параллельным сосуществованием античной традиции и новой христианской литературой, а также с экспериментальностью некоторых авторов, проявлявшееся в сочетании обеих традиций и в новых подходах к литературному творчеству¹¹⁸.

Можно сказать, что одним из таких авторов VI века, представлявших латинскую традицию, являлся эпический поэт Флавий Кресконий Корипп.

Как и латиноязычный хронист Марцеллин Комит, сочинения Кориппа не были зафиксированы ни в крупных трудах об истории литературы, ни в современных исследованиях византийской культуры¹¹⁹.

Дату рождения Флавия Крескония Кориппа можно примерно отнести к первому десятилетию VI века. Скорее всего, местом его рождения была

¹¹⁷ *Kaldellis A. Byzantine Historical Writing, 500–920 // Oxford History of Historical Writing / eds. S. Foot and C. Robinson. - London, 2012. - P. 207.*

¹¹⁸ *Kaldellis A. Op. Cit. - P. 209.*

¹¹⁹ *Болгов К.Н. К вопросу о латинской культуре ранней Византии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. - Белгород, 2011. - С. 33.*

Северная Африка (на что указывает прозвище Кориппа – Африканский), где он провёл свою жизнь в период её отвоевания у вандалов¹²⁰.

Творчество Кориппа представлено его поэтическим наследием, в центре которого находится эпическая воинская поэма «Иоанниада, или о Ливийской войне» в восьми песнях. В ней почти в 5000 гекзаметрах повествуется о войне византийцев, возглавляемых дуксом Иоанном Троглитой, с маврами в 545 – 548 годах¹²¹.

Данное событие берёт свои истоки в 533 году, когда византийской армией во главе с Велизарием удалось одержать победу над вандалами в данном регионе, а в 536 году подавили мятеж Стотцы (войска возглавил Герман)¹²².

О падении королевства вандалов сообщается во многих других источниках ранневизантийского периода, в том числе и в одной из статей «Хроники» Марцеллина Комита, где хронист упоминает о пленении вандальского короля Гелимера (Mar. Com. 534).

В 40-е же годы VI столетия новый мятеж был спровоцирован дуксом Нумидии – Гонтарисом, который составил план по захвату власти в Африке силами мавров. В результате ему удалось разгромить имперские войска и взять Карфаген, но мятеж Гонтариса был подавлен дуксом Иоанном, установившем мир в этом регионе на 15 лет¹²³.

Возможно, что поэма Кориппа была написана спустя небольшой отрезок времени после данных событий, а сам поэт мог быть свидетелем происшедшего взятия Карфагена войсками Иоанна у мавров в 548 году. Ценность её определяется тем, что помимо сведений о конкретном историческом событии в ранней Византии, «Иоанниада» показывает

¹²⁰ Корипп // Античные писатели / Отв. ред. Белкин М.В., Плахотская О.С. - СПб., 1998. - С. 179.

¹²¹ Там же.

¹²² Сказкин С.Д. История Византии. - М., 1967. - С. 369.

¹²³ Сказкин С.Д. Указ. соч. - С. 375.

местность и населявших её людей – примером может являться описание быта мавров-берберов¹²⁴.

Важным моментом также является локальность темы, выбранная Кориппом – не сама Вандальская война, а отдельный не столь эпохальный момент, произошедший спустя десятилетие. Этим его поэма наследует классической эпической традиции, в которой небольшой эпизод гиперболизируется до универсального уровня¹²⁵.

При этом к сведениям Кориппа стоит подходить скептически: всё же его задачей было показать трагичную историю полководца Иоанна Троглиты; к тому же Корипп не мог представить римское войско в негативном свете (изменяет историю захвата Гадрумета, скрывает некоторые ошибки имперского руководства)¹²⁶. Всё это говорит о тенденциозном подходе автора к произошедшим событиям и его возможной необъективности при описании некоторых событий, что следует учитывать при анализе данного источника.

По всей видимости, «Иоаннида» не была первым и единственным поэтическим произведением за авторством Кориппа. В источниках упоминается о ранних поэтических опытах Кориппа: он пытался совмещать идиллическую поэзию с эпосом¹²⁷.

В дальнейшем Корипп выработал свой собственный метод. Ключевым методом в поэзии Кориппа становится метод использования символов. Мир показан им через серию разнообразных значений, где объект может быть представлен через образ, который наделяет его внутренним смыслом (например, Корипп использует образ феникса). Корипп, таким образом, помогает проследить тот процесс изменения, при котором традиционные

¹²⁴ Болгов К.Н. К вопросу о ... - С. 34.

¹²⁵ Там же. - С. 35.

¹²⁶ Болгов К.Н. Византийская Африка: исторический фон «Иоанниды» Кориппа // Научные ведомости БелГУ. - Белгород, 2012. - Вып.24. - С. 27.

¹²⁷ Cameron A. Corippus' Poem on Justin II. A Terminus of Antique Art? // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. - Pisa, 1975. - Ser. III. 5. - P. 147.

римские объекты культуры всё больше использовались людьми для передачи символического и более широкого смысла¹²⁸.

Использование и совмещение классической традиции с новой были характерным явлением позднеантичного периода. Например, принадлежность Кориппа к христианству (чему свидетельство представленный в «Похвале Юстину» Никейский символ веры в стихах, христианизированное описание верований африканских племён в «Иоанниде») не мешало ему задействовать ряд античных образов в своей поэзии¹²⁹.

Так, к примеру, греко-римские мифологические образы используются Кориппом в качестве персонификации космических сил и явлений окружающего мира (Тетис как море, Феб как солнце) (Ioh. I. 130; II. 157.). Подобные сравнения несли в себе лишь литературный смысл: используемые образы напрямую связывались с олицетворяемыми явлениями в виду своей широкой распространённости в позднеантичном обществе.

Характерным явлением письменной культуры данной эпохи были, однако, и ошибки в употреблении греческих и латинских имён собственных, что встречается и в произведениях Кориппа¹³⁰.

Эти черты прослеживаются и в «Панегирике Юстину Младшему» («Похвала Юстину») в четырёх книгах, написанный Кориппом уже после 566 года при дворе императора в Константинополе. В первых трёх книгах поэт описывает смерть и погребение Юстиниана, а также первые дни правления Юстина; в IV книге же представлено вступление в консульство Юстина, сопровождавшееся рядом торжественных мероприятий¹³¹.

В «Похвале Юстину» особенно заметно прослеживается проимперская настроенность Кориппа, который, по всей видимости, поддерживал как

¹²⁸ Cameron A. Op. Cit. - P. 165.

¹²⁹ Болгов К.Н. Византийская... – С. 36.

¹³⁰ Болгов Н.Н. Поэтические особенности «Иоанниды» Кориппа // Научные ведомости Белгородского государственного университета. - Белгород, 2013. - Вып. 27. - С. 48.

¹³¹ Болгов К.Н. Латинский сегмент культуры Ранней Византии: диссертация ... к.и.н. - Белгород, 2013. - 248 с.

внешнюю политику Юстиниана, так и Юстина II по расширению территории империи и укреплению её рубежей¹³².

В целом же, «Панегирик Юстину Младшему» является не только яркой иллюстрацией литературного воплощения имперской идеи в ранней Византии, но и источником сведений о торжествах и быте императорского дворца.

Подводя итог, можно отметить следующее. Если говорить о Кориппе как об одном из представителей латиноязычной культуры (в том числе и столичной), то он, как и Марцеллин представлял собой человека, разделявшего проимперские взгляды, используя для их положительной оценки локальный сюжет. При этом, Флавий Кресконий Корипп стал, по сути, тем позднеантичным поэтом, в творчестве которого завершился своё развитие жанр античного эпоса. Именно в синтезе христианского мировоззрения и античных литературных приёмов (гиперболизация, риторические приёмы, использование мифологических образов) проявилась специфика ранневизантийской эпохи – периода преобразования старых форм и структур и наполнение их новым содержанием.

§ 2. Жанровые особенности и специфика «Хроники» Виктора Тонненского

Другим латиноязычным писателем позднеантичного периода являлся хронист Виктор Тонненский – епископ Тоннена в Проконсульской Африке, но, будучи противником эдикта Юстиниана «О трёх главах» (544 год), был лишён кафедры (около 547 года) и сослан в монастырь Мандракий, а затем в Каноп¹³³ в Египте.

¹³² Болгов Н.Н. Указ. соч. - С. 50.

¹³³ Жаворонков П.И. Виктор Тонненский // Православная энциклопедия / Отв. ред. Жаворонков П.И. – М., 2014. - Т. 8. - С. 463.

После V Вселенского Собора был доставлен в Константинополь, но признан нераскаявшимся и сослан в монастырь около Александрии, где пробыл до 564 года. Впоследствии был заключён в один из монастырей Константинополя, где им и была составлена «Хроника» (сохранившийся фрагмент которой охватывает события с 444 до 567 года). О смерти Виктора (ок. 567 г.) сообщал Исидор Севильский¹³⁴.

В целом, хроника представляет собой продолжение труда Проспера Тиро Аквитанского и имеет простую структуру, где события перечисляются постатейно в хронологическом порядке. Одним из источников Виктора выступала «Трёхчастная церковная история» Феодора Анагноста¹³⁵.

Можно сказать, что особенностью данной хроники является её практически церковный характер. Светские события упоминаются Виктором редко, тогда как основное внимание он сосредотачивает на истории церкви. При этом локальные – т.е. африканские – сюжеты по своему объёму значительно уступают описаниям событий в Константинополе.

Так, среди столичных сюжетов можно выделить следующие. Это сообщения о восшествии на престол или смерти императоров (Vic. Tonn. 457.1; 476; 491), о передачи управления над константинопольской церковью (Vic. Tonn. 450.4; 473.3), о дворцовых переворотах и заговорах (Vic. Tonn. 475.2; 523.3), о церковных деятелях Константинополя (Vic. Tonn. 485; 486; 487; 492.2; 497), о крупных событиях церковной жизни (Vic. Tonn. 499; 505; 513; 540.1-2).

Если же говорить об эпизодах, связанных с префектурой Африка, то всего их насчитывается около 35, включая те статьи, где речь идёт о епископах данной области, тогда как события могут и не разворачиваться именно в Африке. Показательно и то, что статей, посвящённых Египту и александрийской церкви лишь немногим меньше (28), а константинопольские сюжеты охватывают 60 эпизодов. Это в совокупности

¹³⁴ Жаворонков П.И. Указ. соч. - С. 464.

¹³⁵ Treadgold W. The Early Byzantine Historians. - New York, 2007. - P. 309.

со статьями о событиях в других областях империи придавало хронике всемирный, нежели локальный характер¹³⁶.

Основные проблемы, затрагиваемые в африканских сюжетах, связаны с местной церковью и её взаимоотношениями со светскими властями – как имперскими (Vic. Tonn. 551.1; 552.1; 553.1; 554.2), так и вандальскими (Vic. Tonn. 464; 466; 479; 497.4).

Здесь же можно указать и на попытку сопоставления церковной политики Юстиниана с действиями вандальских правителей в отношении церкви. Возможно, что через подобное сравнение, Виктор пытался указать на схожесть в применении репрессивных мер в отношении несогласных¹³⁷.

Другой особенностью хроники является попытка Виктора увязать не ортодоксальные (с его точки зрения) действия церковных и светских лиц имперской администрации с внешнеполитическими неудачами.

Так, поле описания Эфесского собора, решение которого, по словам хрониста, зависели от «нечестивой силы» александрийского епископа Диоскора, следует сообщение о нашествии Атиллы на Италию (Vic. Tonn. 449).

Другим примером здесь является перечисление ряда «еретических» с точки зрения Виктора мер императора Анастасия – ссылка епископов, поддерживающих Халкидонский собор (Vic. Tonn. 501), правка евангелических текстов (Vic. Tonn. 505), - после чего следует статья о захвате крепости Зундабар с её сокровищами персидским царём Кавадесом (Vic. Tonn. 508).

Такой же подход использует Виктор Тонненский в случае характеристики внешней политики Юстиниана. Успехи во внешнеполитических военных кампаниях Виктор практически целиком

¹³⁶ Козлов А.С. Идеино-политическая направленность хроники Виктора Туннунского // Античная древность и средние века. - Свердловск, 1987. - Вып. 23. - С. 31.

¹³⁷ Козлов А.С. Комит Марцеллин, Виктор Туннунский Марий Аваншский о «чужих» народах // Античная древность и средние века. - Екатеринбург, 2000. - Вып. 31. - С. 65.

приписывает полководцу Велизарию, на контрасте показанному в сравнении с самим Юстинианом.

К примеру, именно Велизарий «возвращает Африку под власть римлян», доставляет в Константинополь пленённого Гелимера и собранные в ходе военной кампании сокровища (Vic. Tonn. 534). Под руководством Велизария же византийская армия одерживает победу над булгарами во Фракии (Vic. Tonn. 560).

При этом причастность к внешнеполитическим успехам Юстиниана освещается лишь единожды, а сам контекст сообщения показывает скорее уничижительное положение императора. Под 563 годом Виктор сообщает, как Юстиниан принял «первых послов племени Авар и с великими дарами позволяет им вернуться туда, откуда они пришли» (Vic. Tonn. 563.2).

Светские сюжеты в основном посвящены смене правителей, реже – мятежам. Немногочисленны такого рода сведения о западной части империи, интерес к которой в основном сосредоточен на событиях 449 – 456 годов; о захвате же Одоакром императора в 476 году и падении на Западе имперской власти, Виктор не сообщает. Это отчасти объясняется тем, что хронист выражал в первую очередь интересы африканского духовенства, а основной проблемой для него оставался спор о церковной политике. Всё это в итоге повлияло на хрониста при отборе фактов для его труда¹³⁸.

Среди светских сюжетов можно упомянуть о восстании прасинов и венетов против введённого Анастасием изменения в молитве «Трисвятой» (на монофизитский манер), в результате которого «город был сожжён от так называемой Халы» (Vic. Tonn. 513).

О другом восстании цирковых партий упоминает Виктор и под 566 годом, когда устроившие в Константинополе мятеж прасины «во время многократных столкновений умерщвляют многих государственных мужей» (Vic. Tonn. 566. 2).

¹³⁸ Козлов А.С. Комит Марцеллин... - С. 66.

О знаменитом Восстании Ника в Константинополе Виктор упоминает кратко, указывает на гибель большого количества людей; при этом хронист допускает ошибку в датировке события (Vic. Tonn. 530).

Положительную оценку находит такое событие как провозглашение власти императора при «при полном спокойствии народа» (Vic. Tonn. 566. 3). Это свидетельствует о проимперской позиции хрониста, который, как представитель африканского духовенства, мог видеть опору для решения конфликтов в лице императора – гаранта стабильности в эпоху церковных споров.

Интерес представляет и то, как воспринимаются Виктором другие народы. Если у Марцеллина чётко прослеживается отделение народов в зависимости от их социокультурной и политической принадлежности (что видно на примере с исаврами), то для Виктора Тонненского главным критерием является конфессиональная принадлежность¹³⁹.

Так, неоднократно подчёркивается чуждость вандалов в рамках империи, что было связано с церковной политикой некоторых вандальских правителей, среди которых упоминается король Гензерик, который был повинен в грабежах и убийстве «христианского люда» (Vic. Tonn. 464), король Гуннерих – приверженец ариности, устроивший гонения на католиков в Африке (Vic. Tonn. 479.2).

Основное же внимание Виктора Тонненского сосредотачивается на церковной истории. Здесь наиболее явно проявляется отрицательное отношение Виктора к церковной политике Юстиниана.

Отношение императора Юстиниана к церковной политике не было однозначным. С одной стороны, его меры были направлены на материальное укрепление церковного института, повышение его престижа и административных функций. С другой же, повышались требования к самим священнослужителям, проводилась политика по вмешательству императора

¹³⁹ Козлов А.С. Комит Марцеллин... - С. 71.

во внутренние дела церкви, что ставило её в прямую зависимость от светской власти¹⁴⁰.

Так, Юстиниан начал дополнение и изменение церковных канонов, издание указов на имя константинопольского патриарха, урегулировал устав церковных учреждений, установил величину причта и условия посвящения в сан епископа и другие духовные звания¹⁴¹.

Полемику вызвала и попытка императора примерить сторонников Халкидонского собора с нехалкидонитами, то есть т.н. спор о «Трёх главах». Данный конфликт был тесно связан с полемикой палестинских оригенистов и антиоригенистов. Первые признавали авторитет учения Оригена, тогда как вторые поддерживали Феодора Мопсуэстийского. Учение последнего вызывало критику и у монофизитов. Поэтому его осуждение могло привести к частичному удовлетворению и оригенистов, и монофизитов¹⁴².

Другой причиной не прекращавшихся церковных споров было недовольство принятыми решениями на Халкидонском соборе. Монофизиты, чья позиция была особо сильной в Сирии, Египте и Палестине, не поддерживали и догматическое определение «в двух природах», и решения собора, одобрявшие, по их мнению, несторианскую позицию Феодорита Кирского, Феодора Мопсуэстийского, Ивы Эдесского¹⁴³.

Итогом стало принятый Юстинианом декрет против «Трёх глав» (545 год), который должен был покончить с обвинениями в адрес Халкидонского собора со стороны монофизитов и примерить между собой церковные группы недовольных¹⁴⁴.

Такая политика императора вызывала недовольство среди части византийского духовенства, в частности – и у Виктора Тонненского.

¹⁴⁰ Чекалова А.А. Константинополь в VI веке. - М., 1986. - С. 130.

¹⁴¹ Чекалова А.А. Указ. соч. - С. 130.

¹⁴² Геростергиос А. Юстиниан Великий - император и святой. - М., 2010. - С. 165.

¹⁴³ Геростергиос А. Указ. соч. - С. 167.

¹⁴⁴ Грацианский М.В. Св. император Юстиниан и спор о Трёх Главах (540—553) // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. - М., 2007. - Вып. 17. - С. 19.

В уже упомянутых африканских эпизодах, относящихся к юстиниановскому периоду, большое количество статей, освещавших церковную историю, связаны с репрессиями светской администрации в сторону несогласных.

Например, из-за ложных обвинений и множества наветов был отстранён и смещён с поста архиепископ карфагенской церкви Репарат, не согласный с осуждением «трёх достопамятных Капитулов» (Vic. Tonn. 552.1).

Под стражу были заключены и четверо других африканских епископов - Музик, Брумазий, Донат и Хризоний, а так же двое из Египта – Феодор и Виктор, возражавших против подчинённого положения епископов по отношению к светской администрации (Vic. Tonn. 565).

Причины подобной «антихалкидонской» в понимании хрониста политики были связаны, по мнению Виктора, с императрицей Феодорой, «которая никогда не скрывала, что она враждебна халкедонскому собору». Именно по её наущению отправляется в изгнание римский епископ Сильверий, а его место занимает Вигилий, который должен был осудить «три Капитула» по наказу Феодоры (Vic. Tonn. 542).

Как и другие приверженцы еретических течений, императрица Феодора погибает «необыкновенным» и мучительным образом - будучи поражённая по всему телу раковой опухолью (Vic. Tonn. 549.2).

При этом смерть самого Юстиниана, который в «Хрониконе» порой выступает как инициатор гонений в сторону правоверных епископов, описана кратко и несёт в себе нейтральный характер (Vic. Tonn. 566.1).

Такое отношение к императрице, подкреплённое в последствии в исторической традиции сообщениями из «Тайной истории» Прокопия, привели к возникновению тезиса о якобы самостоятельной религиозной политике, проводимой Феодорой в поддержку монофизитов¹⁴⁵. Такой тезис является спорным.

¹⁴⁵ Успенский Ф.И История Византии. - М., 1996. - Т 1. - С. 323.

Скорее можно говорить о посреднической роли Феодоры между представителями монофизитов и императором Юстинианом, нежели самостоятельно проводимой религиозной линии. Не отрицая возможного влияния на императора Феодоры, всё же следует рассматривать церковный курс Юстиниана как часть его самостоятельной политики¹⁴⁶.

Другим важным моментом в освещении церковной истории в «Хрониконе» является освещение личностей единомышленников Виктора Тонненского.

Среди них особо выделяется упоминавшийся выше Репарат Карфагенский. Хронист описывает его дальнейшую судьбу после ссылки: находясь в изгнании в Евхаиде он «при славном исповедании веры» умирает (Vic. Tonp. 563.1).

Похожее описание судеб и в отношении других церковных служителей – Верекунда (епископа юнской церкви) (Vic. Tonp. 552.2), диакона римской церкви Рустикса и игумена гуилльского монастыря Феликса, отправленных в изгнание в Фиваиду (Vic. Tonp. 553.1).

Описывает Виктор и собственную судьбу о заключении вместе с епископом кебарзутитанской церкви Феодором, который, как и Виктор, был отправлен в Александрию (Vic. Tonp. 555.2).

После пятнадцатидневного разбирательства в претории было решено отправить их в табеннисийский монастырь в Канопе (Vic. Tonp. 556.2). Сообщает хронист и о смерти и погребении Феодора в «царственном городе рядом с теми исповедниками, у которых король вандалов Уннерих отрезал языки» (Vic. Tonp. 566.2).

Одним из ярких примеров того, что Виктор являлся приверженцем Халкидонского собора является статья под 508 годом, в которой идёт подробное описание божественного наказания за предание анафеме решений

¹⁴⁶ Грацианский М.В. Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского Собора. - М., 2016. - С. 129.

собора: населением Александрии овладевают злые духи, что приводит к массовому помешательству среди людей (Vic. Tonn. 508).

Как видно, отношение Виктора к императорской власти и церковной политике неоднозначно. С одной стороны, правитель виделся как гарант стабильности при решении церковных споров, с другой резко отрицательное отношение у хрониста вызывала церковная политика Юстиниана, направленная на усиление контроля центральной администрации над епископами и попытку примирения сторонников Халкидонского собора с их противниками.

В целом, в сравнении с «Хроникой» Марцеллина Комита, «Хроникон» Виктора Тонненского носит совсем иной характер. Если имперская риторика сохраняется в его хронике, то в остальном же «Хроникон» даёт иной взгляд на историю церкви. Ключевым здесь выступает взаимосвязь событий и исторических деятелей с Халкидонским собором. И если у Марцеллина церковная история органично дополняла историю общеимперскую, то у Виктора Тонненского церковь становится сюжетообразующей составляющей латинской хроники.

§ 3. Отражение процесса медиевализации античного знания в работах Присциана Грамматика

Одной из отличительных черт позднеантичной культуры ранней Византии становится процесс медиевализации знаний, то есть появление в них характерных черт средневековой культуры. Медиевализация распространялась на многие направления и гуманитарного знания, включая философию, историю, географию, риторику, литературу и грамматику. Последнее можно проследить на примере работ такого латиноязычного деятеля ранней Византии как Присциана Грамматика.

Присциан, живший во второй половине V – начале VI вв., происходил из Кесарии в провинции Мавретании. Считается, что сам он имел греческое происхождение; по сообщениям Кассиодора, Присциан работал при дворе императора Анастасия и занимался преподаванием латыни в столице¹⁴⁷.

В Константинополе Присциан работал в период правления Анастасия, Юстина и Юстиниана. Свой труд «*Ars grammatica*» он завершил до 526 года, о чём свидетельствует рассказ его ученика Феодора, сообщившего, что Присциан редактировал работу в консульства Олибрия (526 год) и Мавортия (527 год)¹⁴⁸.

Именно он стал создателем «Грамматического руководства» в XVIII книгах, ставшего основным пособием по латинскому языку в период средневековья. Он же являлся автором стихотворного панегирика императору Анастасию и перевода землеописания «*Periegeses*» Дионисия Периегета¹⁴⁹.

В «Грамматическом руководстве», при создании которого Присциан опирался на римских и греческих грамматиков (например, Аполлоний Дискол), автор систематизировал и представил латинскую грамматику в доступном виде. Этому способствовало включение в труд ярких иллюстраций – цитат римских авторов, что в дальнейшем позволило сохранить фрагменты утраченных римских произведений¹⁵⁰.

К моменту деятельности Присциана грамматика – искусство читать и комментировать античных писателей – была одним из базовых предметов для изучения в учебных заведениях, наряду с историей, мифологией и древней географией. Задачей каждого комментария было извлечение той или

¹⁴⁷ Болгов К.Н. Латинский сегмент культуры Ранней Византии: диссертация ... к.и.н. - Белгород, 2013. - 248 с.

¹⁴⁸ Болгов Н.Н. «Панегирик императору Анастасию» Присциана // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна: збірка наукових праць, присвячена 170-літтю з дня народження Н.П. Кондакова (1844–1925). - К., 2014. - Вип. IV - С. 271.

¹⁴⁹ Аверинцев С.С. Истоки и развитие раннехристианской литературы // История всемирной литературы: В 8 томах / Отв. ред. Михайлов А.Д. - М., 1983. - Т. 1. - С. 509.

¹⁵⁰ Присциан // Античные писатели / Отв. ред. Белкин М.В., Плахотская О.С. - СПб., 1998. - С. 378.

иной морали, для чего учителя аллегорически интерпретировали изучаемые тексты¹⁵¹.

При этом императорская власть в ранней Византии не столько противостояла любой языческой традиции (в том числе и риторской), сколько выступала против языческой философии, что и было причиной упадка некоторых центров (например, Афинской школы в V – VI вв.)¹⁵².

Основной заслугой грамматического труда Присциана выступает, естественно, не его компилятивный характер (в чём проявляется некая медиевализация знания), но сохранение и передача классической латинской грамматике последующим поколениям¹⁵³.

Благодаря «Грамматическому руководству» сохранились фрагменты произведений таких римских писателей как Пакувия, Луцилия, Варрона, Акция, Энния¹⁵⁴.

Если говорить о содержании «Грамматического руководства», то в первых шестнадцати книгах был представлен разбор фонетики, флективной системы языка, словообразования, а в двух последних – синтаксис; всё это сопровождалось множеством примеров из произведений латинских писателей¹⁵⁵.

В своём труде Присциан употреблял термин «буква» для обозначения звука. То есть буква представлялась абстрактным понятием, конкретной реализацией которого выступали её написание, наименование и произношение; буква, таким образом, имела два аспекта реализации – видимый и слышимый¹⁵⁶.

¹⁵¹ Гийу А. Византийская цивилизация. - Екатеринбург, 2005. - С. 325.

¹⁵² Курбатов Г.Д. Риторика // Культура Византии IV – первая половина VII в. / Отв. ред. Удальцова З.В. - М., 1984. - С. 336.

¹⁵³ Грошева А.В. Грамматические учения западноевропейского средневековья // История лингвистических учений. Средневековая Европа / Отв. ред. Десницкая А.В., Кацнельсон С.Д. - Л., 1985. - С. 210.

¹⁵⁴ Davis M.T. Priscian and the West // Byzantine Studies Conference. - Chicago, 1982. - P. 6.

¹⁵⁵ Грошева А.В. Указ. соч. - С. 213.

¹⁵⁶ Там же. - С. 216.

Появление ученой латинской грамматики в Константинополе является наглядным свидетельством о процветании изучения римской древности в столице империи, в высшей школе, основанной Феодосием Младшим¹⁵⁷

Из сочинений Присциана сохранились и другие работы, посвящённые грамматике: «Разбор двенадцати первых стихов «Энеиды»» (грамматический анализ), «О цифрах» (о римских и греческих цифрах и мерах), «О метрике комедий Теренция», «Вводные упражнения», «О существительных, местоимениях и глаголах» (как сокращённый вариант VI – XIII книг «Грамматики» для школы)¹⁵⁸.

Другим произведением Присциана, в котором заметна медиализация античной риторической традиции является стихотворный панегирик императору Анастасию, при дворе которого он служил.

Подобная похвала правителю имела под собой античные истоки, как и сама политическая теория ранней Византии. Последняя включила в себя древнегреческие идеи «таксиса» - гармонического порядка, активного участия граждан в жизни общества, эллинистическое представление о «царях», традиционно римское отношение к закону и новую концепцию о создании христианской империи, руководство которой возлагалось бы на императора¹⁵⁹.

Сам жанр христианского панегирика был во многом сформирован благодаря творчеству Евсевия Кесарийского в IV веке, который использовал в своём творчестве приёмы античной риторики и использовал форму языческого панегирика, сочетая её с христианской нравственной проповедью. Латинский же императорский панегирик на Востоке был продолжением традиций Сидония и Клавдиана¹⁶⁰.

¹⁵⁷ Кулаковский Ю.А. История Византии: 395 - 518 годы. - СПб., 2003. - С. 298.

¹⁵⁸ Присциан // Античные писатели / Отв. ред. Белкин М.В., Плахотская О.С. - СПб., 1998. - С. 378.

¹⁵⁹ Поляковская М.А. Византия в контексте европейской средневековой государственности: проблема лидера и темпов развития // Античная древность и средние века. - Екатеринбург, 1999. - Вып. 30. - С. 27.

¹⁶⁰ Курбатов Г.Д. Указ. соч. - С. 336.

Классическая латынь в панегириках часто использовался для придания большей силы сравнению императора с эпическими героями древности, античными персонажами или же героями Библии¹⁶¹. К примеру, в латинском панегирике императору Анастасию Присциан сравнивает образ византийского императора с образом Помпея Магна.

Одним из элементов в похвале Анастасию было продвижение идеи о некотором сходстве и родстве между византийским императором и Помпеем, чьи решающие победы в 60-х гг. до н.э. способствовали закреплению римлян в Малой Азии, подобно тому, как победы Анастасия над исаврами в 490-х гг., изгнанных в горы Тавра¹⁶².

Панегирик был написан Присцианом около 503 года в гекзаметрах (312 стихов). Можно отметить, что в нём он проводит следующую параллель между Помпеем и Анастасием: Помпей не смог победить горцев Тавра, тогда как Анастасий исполнил эту победу, тем самым превзойдя своего предка (Prisc. Pan. 10–18).

Особое внимание он уделяет и тем трофеям и устроенному триумфу с шествием пленённых исавров на константинопольском ипподроме (Prisc. Pan. 172-173). Так, подчёркивается величие Анастасия, который своими заслугами и военными победами возвышается даже над своим знаменитым предшественником Помпеем.

Другим важным элементом панегирика является образ императрицы – Ариадны.

Вопрос о месте императриц в системе византийской власти можно определить следующим образом. В структуре власти роль императрицы являлась аналогом роли императора, но пассивной и находящейся в других

¹⁶¹ Гийю А. Указ. соч. - С. 325.

¹⁶² Croke B. Poetry and Propaganda: Anastasius I as Pompey // Greek, Roman and Byzantine studies. - London, 2008. - P. 447.

сферах управления. Основная задача виделась в обеспечении династической преемственности через наследников¹⁶³.

В политической жизни императрицы могли проявлять своё влияние через участие и поддержку тех или иных противоборствующих группировок, что особенно ярко проявлялось в период церковных споров. В культурно-религиозной сфере жизни государства матери-императрицы становились воплощением святости и покровительницами государства, что становилось возможным благодаря их благочестию и почитанию святых людей и мощей¹⁶⁴.

В панегирике Присциан ставил себе целью осветить именно последний аспект роли императрицы, который бы подчеркнул легитимность восхождения на трон самого Анастасия. До этого риторическая панегирическая традиция предписывала изображать императриц лишь как отражение величия супруга, и Присциан от такой установки отходит¹⁶⁵.

Так, он описывает выбор Ариадной Анастасия как сильный волевой поступок, совершаемый ею для установления благополучия всего ромейского мира в будущем; показывает и восхваляет благочестие и религиозную роль императрицы, которая способствовала воцарению Анастасия (Prisc. Pan. 303-306).

Таким образом, панегирик представляет собой интересный памятник, демонстрирующий собой постепенную медиевализацию риторической традиции в позднеантичный период.

В целом, подобные обширные труды на латинском языке, созданные в столице выходцем из латинизированной области, может свидетельствовать о значительном интересе жителей Константинополя к латыни. По вопросу о степени распространённости и функционирования латыни в

¹⁶³ *Holum K.G.* Theodosian Empresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity. - Berkeley - Los Angeles, 1982. - P. 49.

¹⁶⁴ *Holum K.G.* Op. cit. - P. 52.

¹⁶⁵ *Чуева Ю.Ю.* Императрица Ариадна и византийский двор конца V – начала VI вв. // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. - Белгород, 2015. - Вып. 33. - С. 46.

Константинополе VI века в науке существуют различные позиции. С одной стороны говорится о вытеснении латыни греческим языком и её сохранении лишь за счёт дворцовой администрации, с другой – о значительном интересе аристократов и чиновников, имевших связи с западными интеллектуалами, и к греческому, и к латыни¹⁶⁶.

Вероятнее всего предположить, что вокруг Присциана в VI веке действительно мог сложиться круг заинтересованных в латинской культуре интеллектуалов, а латынь функционировала не только в дворцовой канцелярии, но и среди столичных жителей – выходцев из латинизированных областей империи.

Подводя же итог, следует отметить, что в работах Присциана Цезарейского отразился постепенный процесс медиализации античного знания – грамматического и риторического, - что было характерным явлением для позднеантичного периода. Грамматические работы Присциана, компилятивные по своей сути, законсервировали классический латинский язык, который всё больше вымещался с Востока греческим языком, и послужили основным грамматическим руководством для западноевропейской средневековой культуры в будущем, сохранив в себе фрагменты античных произведений. Что же касается стихотворного панегирика на латыни в Константинополе, то эта традиция завершилась на Востоке с творчеством Кориппа.

¹⁶⁶ *Salamon M.* Priscianus und sein Schulerkreis in Konstantinopel // *Philologus.* - Leipzig, 1979. – 123. - S. 96.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведённого исследования был рассмотрен и проанализирован такой памятник ранневизантийской историографии как латинская «Хроника» Марцеллина Комита в контексте существовавшей в период Поздней античности латиноязычной столичной социокультурной общности.

О личности самого автора столичной латинской «Хроники» - Марцеллине Комите – можно судить лишь по тем отрывочным сведениям, что сохранились в его труде, и небольшой информации, данной в источниках других авторов (например, Кассиодора). Суммируя эти сведения, можно сказать, что Марцеллин был выходцем из Иллирика, некоторое время состоял на службе у Юстиниана и входил в константинопольский сенат. Марцеллин придерживался складывающейся в VI византийской имперской идеи, именно поэтому центральное место в «Хронике» он отводит тем событиям и тем деятелям, которые имели непосредственное влияние на состояние Византийского государства.

Его связь с Иллириком явно прослеживается в статьях «Хроники», а иллирийская тематика являлась одной из ключевых для Марцеллина Комита. Будучи выходцем из данной области, он стремился с помощью своего труда освятить проблемы жителей иллирийских территорий, которые возникали как в прошлом, так и к моменту жизни хрониста (конец V – начало VI вв.).

Исходя из этой цели, Марцеллин часто обращался к произошедшим бедствиям в связи с военными нашествиями различных народов и к стихийным катастрофам. Для того, чтобы обосновать важность Иллирика в рамках Византийской империи, Марцеллин неоднократно подчёркивал благочестие и приверженность истинной христианской вере иллирийцев в период распространения еретических учений. В совокупности же эти сведения выводят Иллирик на общеимперский уровень, как регион, имеющий большой вес для благополучия Византии в целом.

Другим не менее важным местом в «Хронике» представлен столичный город Константинополь, который имел огромное влияние, сказывающееся на всей социально-политической, экономической и культурной жизни Византийской империи. Константинополь представлен Марцеллином и как сосредоточение могущества власти императора, и как центр общественных движений византийских граждан, сохранявших своё влияние на общественно-политическую жизнь страны. Марцеллином было также отмечено, что Константинополь постепенно становится и центром церковной жизни ранней Византии.

О церкви и развитии христианской культуры Марцеллин пишет как о важной части ранневизантийского общества. Отражением христианского миропонимания и исторических процессов хронистом является включение им в хронику сведений о природных катастрофах как о результате божественной воли, знаки которой необходимо было зафиксировать в христианской письменной исторической традиции.

Большое значение для хрониста играет и церковная история, которая тесно взаимосвязана с другими тематическими разделами данной хроники – городскими, с имперскими, а также частично иллирийскими сюжетами. Это было связано со всё более возрастающей роли церкви как общественного института в экономической, социально-политической и культурно-идеологической сферах, её становлением как важного фактора в развитии ранневизантийской империи. Поэтому включение церковной истории в повествование становится закономерной целью для Марцеллина Комита, который стремился своей работой показать процесс становления сильной христианской империи в рамках византийского государства.

Это предопределило ещё одну черту «Хроники», а именно выражение в ней оформившейся к тому моменту имперской идеологии. Так, прославление императора хронистом напрямую было связано, во-первых, с успехом правителя в защите государства от внешних врагов и с сохранением благополучия империи; во-вторых, с распространением им ортодоксального

христианства и с поддержкой церкви. Отклонение же от этих задач Марцеллином осуждалось.

При этом в своей оценке Марцеллин исходил не только из приоритетов церкви. Основной проблемой для Марцеллина (что подчёркивает и светский характер хроники) оставался вопрос процветания и целостности государства. Благополучие же империи в представлении византийцев к моменту написания хроники напрямую связывалось с личностью императора, и божественным характером его власти. Этим и объясняется столь пристальное внимание Марцеллина Комита к взаимоотношениям ортодоксальной церкви и правителя и резкие оценочные суждения в сторону некоторых императоров, чья политика могла привести к краху целой империи.

Помимо этого «Хроника» Марцеллина отражала взгляды определённой этно-социальной группы столичных жителей, а именно латиноязычной части Константинополя. Освещая интересы и взгляды латиноязычной столичной общности, Марцеллин, тем не менее, придавал своей работе общеимперский глобальный характер, что видно из вышеперечисленных сюжетов «Хроники». Но всё же основной аудиторией хрониста оставались константинопольские горожане, понимавшие латынь.

Последующее же усиление грекоязычной культуры и вытеснение латыни сделало «Хронику» Марцеллина Комита более актуальной и известной для западной исторической традиции, хотя и заметно отличающейся по своей форме и содержанию (обращение к локальным территориальным сюжетам, наличие объёмных и подробных статей) от синхронных западных хроник. В рамках же своего времени она существовала как элемент письменной латинской культуры, которую поддерживали чиновники и интеллектуалы столицы.

Совершенно иной по своему характеру был «Хроникон» Виктора Тонненского – другого представителя латинской историографической традиции в восточной части империи. В своём отношении к императорской

власти и церковной политике Виктор исходил из представлений о Халкидонском соборе как источнике ортодоксальной христианской веры. Поэтому, с одной стороны, правитель выделялся как гарант стабильности при решении церковных споров, с другой резко отрицательное отношение у хрониста вызывала церковная политика Юстиниана, направленная на усиление контроля центральной администрации над епископами и попытку примирения сторонников Халкидонского собора с их противниками. В целом же, в «Хрониконе» Виктора Тонненского церковь становится сюжетообразующей составляющей латинской хроники, что отличает её от столичной светской хроники Марцеллина.

Если же обратиться к кругу интеллектуалов и аристократов столицы, которые сохраняли живой интерес к латыни в ранневизантийский период, то особо выделяется среди них Флавий Кресционий Корипп, который как и Марцеллин разделял проимперские взгляды, используя для их положительной оценки локальный сюжет. При этом, Корипп стал, по сути, тем позднеантичным поэтом, в творчестве которого завершил своё развитие как жанр античного эпоса («Иоаннида»), так и риторическая панегирическая традиция на Востоке («Похвала Юстину»). Именно в синтезе христианского мировоззрения и античных литературных приёмов (гиперболизация, риторические приёмы, использование мифологических образов) проявилась специфика культуры ранневизантийской эпохи – периода преобразования старых форм и структур и наполнение их новым христианским содержанием.

Развитие латыни происходило и в кругу Присциана Грамматика, вокруг которого в VI веке действительно мог сложиться круг заинтересованных в латинской культуре интеллектуалов. В его работах отразился постепенный процесс медиализации античного гуманитарного знания – грамматического и риторического. Грамматические работы Присциана, компилятивные по своей сути, законсервировали классический латинский язык, который вскоре стал всё больше вымещаться в Византии греческим языком, и послужили основным грамматическим руководством для западноевропейской

средневековой культуры в будущем, сохранив в себе фрагменты античных произведений.

В целом, рассмотренные выше вопросы позволяют сформировать некое представление о существовавшей в позднеантичном Константинополе латиноязычной культурной общности, активное развитие которой на протяжении позднеантичного периода свидетельствовало как о многообразии культурно-исторических элементов в системе Византийской империи, так и об уникальности эпохи Поздней античности, характеризуемой как периода преобразования и взаимодействия различных традиций в развитие общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

І. Источники

1. *Виктор Тонненский*. Хроникон / пер. Д.С. Суровенкова [Электронный ресурс]. - URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Victor_Tonnenensis/frametext.htm (дата обращения: 11 марта 2019).
2. *Коринп*. Иоаннида. Песнь I (прозаический пер. Н.Н. Болгова) // Классическая и византийская традиция. 2014. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2014. - С. 348 - 360.
3. *Марцеллин Комит*. Хроника / Пер., ред. Н.Н. Болгов. - Белгород: БелГУ, 2010. - 230 с.
4. *Присциан*. Панегирик Анастасию / прозаический перевод Н.Н. Болгова // Классическая и византийская традиция. 2014. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2014. - С. 279 - 286.

ІІ. Исследования

1. *Cameron A.* Corippus' Poem on Justin II. A Terminus of Antique Art? / Averil Cameron // *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa*. – Pisa: Classe di Scienze, 1975. - Ser. III. 5. - P. 140 -166.
2. *Croke B.* Count Marcellinus and his Chronicle / Brian Croke. – London: Oxford university press, 2001 – 300 p.
3. *Croke B.* Poetry and Propaganda: Anastasius I as Pompey / Brian Croke // *Greek, Roman and Byzantine studies*. - London: Oxford university press, 2008. - P. 447 - 466.
4. *Davis M.T.* Priscian and the West / Mary Tailor Davis // *Byzantine Studies Conference*. – Chicago: Rowan & Littlefield Publishers Inc, 1982. - P. 6 - 19.

5. *Gradel I. Emperor Worship and Roman Religion / Ittai Gradel.* – London: Oxford university press, 2004. – 422 p.
6. *Holum K.G. Theodosian Empresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity / Kenneth Holum.* – Berkeley - Los Angeles: Adamant Media Corporation, 1982. – 276 p.
7. *Kaldellis A. Byzantine Historical Writing, 500–920 / Anthony Kaldellis // Oxford History of Historical Writing / eds. S. Foot and C. Robinson.* – London: Oxford university press, 2012. – 672 p.
8. *Salamon M. Priscianus und sein Schulerkreis in Konstantinopel / Manolis Salamon // Philologus.* – Leipzig, 1979. – 123 – S. 91 – 96.
9. *Treadgold W. The Early Byzantine Historians / Warren Treadgold.* – New York: Routledge, 2007 – 431 p.
10. *Аверинцев С.С. Истоки и развитие раннехристианской литературы / С.С. Аверинцев // История всемирной литературы: В 8 томах / Отв. ред. Михайлов А.Д.* – М.: Наука, 1983. – Т. 1. – С. 501 – 515.
11. *Алимов Д.Е. Миграция или трансформация? Происхождение хорватов в дискурсе постмодерна / Д.Е. Алимов // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. – С. 203 – 226.
12. *Корипп // Античные писатели / Отв. ред. Белкин М.В., Плахотская О.С.* – СПб.: Лань, 1998. – С. 176 – 179.
13. *Присциан // Античные писатели / Отв. ред. Белкин М.В., Плахотская О.С.* – СПб.: Лань, 1998. – С. 377 – 378.
14. *Бибиков М.В. Историческая литература Византии / М.В. Бибиков.* – СПб.: Алетейя, 1998. – 315 с.
15. *Болгов К.Н. К вопросу о латинской культуре ранней Византии / К.Н. Болгов // Научные ведомости Белгородского государственного университета.* – Белгород: БелГУ, 2011. – Вып. 17. – С. 33 – 37.
16. *Болгов К.Н. Латинский сегмент культуры Ранней Византии: диссертация ... к.и.н. / К.Н. Болгов.* – Белгород: БелГУ, 2013. – 248 с.

17. *Болгов Н.Н.* Поэтические особенности «Иоанниды» Кориппа / Н.Н. Болгов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Белгород: БелГУ, 2013. – Вып. 27. – С. 48 – 51.

18. *Болгов Н.Н.* «Панегирик императору Анастасию» Присциана / Н.Н. Болгов // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Вип. IV: збірка наукових праць, присвячена 170-літтю з дня народження Н.П. Кондакова (1844–1925) / Від. ред. Ю.А. Мицик. – К.: Софія Київська, 2014. - С. 270 - 293.

19. *Болгов К.Н.* Византийская Африка: исторический фон «Иоанниды» Кориппа / К.Н. Болгов // Научные ведомости БелГУ. – Белгород: БелГУ, 2012. - Вып.24. - С. 23 - 32.

20. *Василик В.В.* Отражение стихийных бедствий и эпидемий VI века в кондаках святого Романа Сладкопевца / В.В. Василик // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – Кострома: Изд-во КГУ, 2015. - №5. - С. 8 - 12.

21. *Геростергиос А.* Юстиниан Великий - император и святой / Астериос Геростергиос. - М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 448 с.

22. *Гийу А.* Византийская цивилизация / Андре Гийу. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 510 с.

23. *Грацианский М.В.* Св. император Юстиниан и спор о Трёх Главах (540—553) / М.В. Грацианский // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. - М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. - Вып. 17. - С. 5 - 26.

24. *Грацианский М.В.* Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского Собора / М.В. Грацианский. - М.: Издательство Московского университета, 2016. - 391 с.

25. *Грошева А.В.* Грамматические учения западноевропейского средневековья / А.В. Грошева // История лингвистических учений. Средневековая Европа / Отв. ред. Десницкая А.В., Кацнельсон С.Д. - Л.: Наука, 1985. – 397 с.

26. *Дзино Д.* «Становиться славянином», «становиться хорватом»: Новые направления в исследовании идентичностей позднеантичного и

раннесредневекового Иллирика / Дэниел Дзино // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. - № 2 (4). - С. 37 - 58.

27. *Жаворонков П.И.* Виктор Тонненский / П.И. Жаворонков // *Православная энциклопедия* / Отв. ред. Жаворонков П.И. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2014. - Т. 8. - С. 463 – 464.

28. *Захаров Г.Е.* Иллирийские церкви в эпоху арианских споров (IV - начало V в.) / Г.Е. Захаров. - М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. – 376 с.

29. *Захаров Г.Е.* Церковь в системе общественной жизни балкано-дунайского региона в IV - V вв.: диссертация ... к.и.н. / Г.Е. Захаров - М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. - 365 с.

30. *Калделлис Э.* Византийская республика: народ и власть в Новом Риме / Энтони Калделлис. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. – 448 с.

31. *Козлов А.С.* Балканы в V - середине VI в. в изображении комита Марцеллина / А.С. Козлов // *Россия - Крым - Балканы: диалог культур*. – Екатеринбург: Волот, 2004. – С. 55 – 61.

32. *Козлов А.С.* Идеино-политическая направленность хроники Виктора Туннунского / А.С. Козлов // *Античная древность и средние века*. – Свердловск: Изд-во Свердловского ун-та, 1987. – Вып. 23. – С. 25 – 41.

33. *Козлов А.С.* Комит Марцеллин и его «Хроникон» в исследовании Б. Кроука / А.С. Козлов // *Россия и мир: панорама исторического развития: сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького*. – Екатеринбург: Волот, 2008. – С. 4 – 14.

34. *Козлов А.С.* Комит Марцеллин о позднеантичном городе / А.С. Козлов // *АДСВ*. – Барнаул: День, 1992. – Вып. 26: Византия и средневековый Крым. – С. 46 – 55.

35. *Козлов А.С.* Комит Марцеллин, Виктор Туннунский Марий Аваншский о «чужих» народах / А.С. Козлов // *Античная древность и средние века*. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. - Вып. 31. - С. 60 - 91.

36. *Козлов А.С.* О некоторых особенностях хроники Продолжателя Марцеллина / А.С. Козлов // АДСВ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – Вып. 33. – С. 29 – 39.

37. *Копылов И.А.* Дунайское арианство. Новое исследование по истории Церкви / И.А. Копылов // ЖМП № 9 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.e-vestnik.ru/history/dunayskoe_arianstvo_7498/?m=print (дата обращения: 20 октября 2018).

38. *Кулаковский Ю.А.* История Византии: 395 – 518 годы / Ю.А. Кулаковский. – СПб.: Алетейя, 2003. – 492 с.

39. *Курбатов Г.Д.* Риторика / Г.Д. Курбатов // Культура Византии IV – первая половина VII в. / Отв. ред. Удальцова З.В. – М.: Наука, 1984. - С. 331 - 358.

40. *Курбатов Г.Л.* История Византии / Г.Л. Курбатов. – М.: Высшая школа, 1984. – 208 с.

41. *Медведев И.П.* Принцип социальной справедливости у византийцев / И.П. Медведев // Византийский временник. – М.: Высшая школа, 1989. – Т. 50. – С. 123 – 130.

42. *Поляковская М.А.* Византия в контексте европейской средневековой государственности: проблема лидера и темпов развития / М.А. Поляковская // Античная древность и средние века. – Екатеринбург: Волот, 1999. – Вып. 30. – С. 26 – 37.

43. *Рансимен С.* Восточная схизма. Византийская теократия / Стивен Рансимен. – М.: Восточная литература, 1998. – 240 с.

44. *Романчук А.И.* Византийский город периода «тёмных веков»: дискуссия в историографии второй половины XX в. / А.И. Романчук // Известия Уральского федерального университета. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2013. – № 4. – С. 23 – 28.

45. *Рудоквас А.Д.* Очерки религиозной политики Римской империи времени императора Константина Великого / А.Д. Рудоквас [Электронный

ресурс]. – URL: <http://centant.spbu.ru/aristeas/monogr/rudokvas/rud012.htm#3>
(дата обращения: 13 апреля 2018).

46. *Рудоквас А.Д.* Христианская интеллектуальная элита и культ императора / А.Д. Рудоквас // Интеллектуальная элита античного мира [Электронный ресурс]. – URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/1995-11/rudokvas.htm> (дата обращения: 13 марта 2018).

47. *Сиротенко В.Т.* Борьба Западной Римской империи и Византии за префектуру Иллирик в 395 - 425 гг. и ее последствия / В.Т. Сиротенко // Античная древность и средние века. – Свердловск: Изд-во Свердловского ун-та, 1972. – Вып. 8. – С. 73 – 88.

48. *Сказкин С.Д.* История Византии / С.Д. Сказкин. – М.: Наука, 1967. – 578 с.

49. *Сюзюмов М.Я.* Византийский город / М.Я. Сюзюмов // Византийский временник. – М.: Наука, 1967. – Т. 27. – С. 38 – 70.

50. *Тюленев В.М.* Рождение латинской христианской историографии / В.М. Тюленев. – М.: Изд-во Олега Абышко, 2005. – 288 с.

51. *Удальцова З.В.* Источники по истории Византии IV – первой половины VII в. / З.В. Удальцова // История Византии: В 3-х томах. – М.: Наука, 1967. – Т. 1. – С. 15 – 51.

52. *Уколова В.И.* Представления об истории на рубеже античности и средневековья / В.И. Уколова // Идеино-политическая борьба в средневековом обществе. – М.: Высшая школа, 1984. – С. 31 – 82.

53. *Успенский Ф.И.* История Византийской империи / Ф.И. Успенский. – М.: Академический проект, 2011. – Т.1. – 624 с.

54. *Чекалова А. А.* Сенаторская знать ранней Византии: стиль жизни, стиль мышления / А.А. Чекалова // Античная древность и средние века. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – Вып. 33. – С. 12 – 20.

55. *Чекалова А.А.* Константинополь в VI веке / А.А. Чекалова. – М.: Наука, 1986. – 195 с.

56. Чекалова А.А. Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в. / А.А. Чекалова // Византийский временник. – М.: Наука, 1972. – Т. 33. – С. 12 – 32.

57. Чуева Ю.Ю. Императрица Ариадна и византийский двор конца V – начала VI вв. / Ю.Ю Чуева // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. – Белгород: БелГУ, 2015. – Вып. 33. – С. 44 – 47.